

ФИЛИП РИВ
НАДВИНУВШАЯСЯ
ТЬМА

ХРОНИКИ ХИЩНЫХ ГОРОДОВ. КНИГА 4

Впервые на русском!

Хроники хищных городов

Филип Рив

Надвинувшаяся тьма

«Азбука-Аттикус»

2006

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

Рив Ф.

Надвинувшаяся тьма / Ф. Рив — «Азбука-Аттикус»,
2006 — (Хроники хищных городов)

Впервые на русском – четвертый роман эпопеи «Хроники хищных городов». Бушевавшая полтора десятилетия война между союзом движущихся городов («Тракционштадтсгезельшафт») и Зеленой Грозой – экстремальной группировкой, захватившей власть в Лиге противников Движения, – ненадолго утихла, и генерал Нага, возглавивший Лигу после предполагаемой гибели Сталкера Анны Фанг, ведет сложные переговоры с «движенцами». Но хрупкое перемирие висит на волоске: adeпты муниципального дарвинизма ненавидят «моховиков», фанатичные сторонники Анны по-прежнему мечтают стереть с лица земли все города и снова сделать мир зеленым. Тем временем в развалинах уничтоженного почти двадцать лет назад Лондона в глубокой тайне разрабатывается устройство, которое может положить конец войне раз и навсегда... Возможно, самая ожидаемая премьера 2018 года – это экранизация первого романа эпопеи, «Смертных машин», выходящая на экраны в декабре 2018 года под названием «Хроники хищных городов». Исполнительным продюсером картины и автором сценария выступает Питер Джексон, постановщиком – Кристиан Риверс (мастер спецэффектов, работавший с Джексоном на съемках «Властелина Колец», «Хоббита» и «Кинг-Конга»), в ролях Стивен Лэнг из «Аватара» и Хью Уивинг («Матрица», «Властелин Колец»).

УДК 087.5
ББК 84(4Вел)-445

© Рив Ф., 2006

© Азбука-Аттикус, 2006

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	39
Глава 9	44
Глава 10	50
Глава 11	56
Глава 12	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Филип Рив

Надвинувшаяся тьма

Саре
(как всегда)

Моим издателям – Кирсти и Холли
(само собой)

А также
Сэму, Тому и Эдварду
(когда-нибудь)

*Пребудем же верны,
Любимая, – верны любви своей!
Ведь мир, что нам казался царством фей,
Исполненным прекрасной новизны,
Он въявь – угрюм, безрадостен, уныл,
В нем ни любви, ни жалости; и мы,
Одни, среди надвинувшейся тьмы,
Трепещем: рок суровый погрузил
Нас в гуцу схватки первозданных сил.*

Мэтью Арнольд. Дуврский берег
(перевод М. Донского)

Часть первая

Глава 1 Супермоскиты над Загвой

Тео поднимался на гору с самого рассвета – сперва по крутым дорогам и овечьим тропам за городом, потом по каменистым склонам и, наконец, – по голым скалам, выискивая впадины и расщелины, где скопились синие тени. Когда он добрался до вершины, солнце уже стояло прямо над головой. Тео остановился ненадолго, глотнуть воды и отдышаться. Горы вокруг дрожали в мареве нагретого воздуха.

Очень осторожно Тео стал пробираться дальше, на узкий отрог, отходящий от вершины. Справа и слева каменные склоны отвесно обрывались в пропасть глубиной в тысячу футов. На дне ее виднелись острые скалы, деревья, белые пенистые реки. Камень сорвался из-под ноги и долго-долго падал, беззвучно кувыркаясь. Впереди не было ничего, только голое небо. Тео выпрямился, сделал глубокий вдох, разбежался и прыгнул.

Он летел вниз, ошеломленный мельканием перед глазами – гора, небо, гора, небо. Эхо его первого крика успело затихнуть, и теперь Тео слышал только быстрый стук своего сердца и шум ветра в ушах. Вот он вылетел из тени горы на солнечный свет и увидел далеко внизу свой дом – стационарный город под названием Загва. Медные купола и разноцветные домики казались игрушечными, снующие в гавани дирижабли – летящими по ветру лепестками; река вилась по долине серебряной ниткой.

Тео с нежностью смотрел на эту картину, пока она не скрылась за отрогом горы. Одно время Тео думал, что больше не вернется в Загву. В учебном лагере Зеленой Грозы ему доходчиво объяснили, что любовь к семье и к дому – излишняя роскошь. О них нужно забыть, если он хочет сыграть свою роль в войне за то, чтобы земля вновь зазеленела. Позже, пленником и рабом в плавучем городе Брайтоне, он видел родной дом во сне, но был уверен, что семья больше не примет его; родители были старомодными противниками движения, и Тео считал, что, вступив в Зеленую Грозу, стал навеки отверженным. Однако сейчас он здесь, среди родных африканских гор, и теперь уже время, проведенное на севере, кажется сном.

И за все это спасибо Рен, думал он, стремительно падая. Рен – странная, бесстрашная, смешная девчонка. С ней он познакомился в Брайтоне; она тоже была рабыней. «Возвращайся домой, – сказала она ему, когда они вместе сбежали. – Родители все еще тебя любят. Наверняка они тебе обрадуются!»

И она оказалась права.

От Тео шарахнулась испуганная птица, напомнив ему, что он быстро теряет высоту, а внизу – довольно-таки неприветливые камни. Он раскрыл пристегнутый к спине огромный воздушный змей и заорал от восторга: за спиной распахнулись крылья, рванули его вверх, и неуправляемое падение превратилось в грациозный полет. Рев ветра в ушах сменился другими, тихими звуками. Шелест силикошелка, поскрипывание строп и бамбуковых планок.

В детстве Тео часто приходил сюда с другими мальчишками испытать свою храбрость, паря на воздушном змее в восходящих потоках воздуха. С тех пор как вернулся с севера полгода назад, он то и дело с завистью смотрел на зависшие над горами яркие крылья, но последовать за ними не решался. Он чувствовал себя старше своих ровесников и в то же время стеснялся их, стыдился своего прошлого: пилот бомбы-стакана, потом пленник, потом раб. А сегодня здесь никого не было – все собрались в цитадели посмотреть на чужеземцев. И Тео поддался желанию снова подняться в небо, зная, что сегодня оно принадлежит только ему.

Он ястребом скользил по ветру, а его тень бежала по озаренным лучами солнца уступам горы. Настоящие ястребы разлетались в стороны с пронзительными возмущенными криками, когда он проносился мимо, нахально вторгаясь в их родную стихию, – поджарый чернокожий мальчик под небесно-голубым крылом.

Тео исполнил мертвую петлю. Вот бы Рен его сейчас видела! Но Рен далеко, странствует с отцовским дирижаблем по птичьим дорогам. Когда они сбежали с Облака-9, где находился воздушный дворец брайтонского мэра, и добрались до движущегося города Ком-Омбо, она помогла Тео найти свободную койку на борту грузового дирижабля, идущего на юг. Они попрощались у причала, пока дирижабль готовился к отлету, и Тео ее поцеловал. Он и раньше целовался с девушками, и многие были гораздо красивее Рен, но ее поцелуй остался в памяти, и Тео часто возвращался к нему мысленно в самые неожиданные моменты – вот как сейчас. Когда он ее поцеловал, все ее остроумие и насмешки мигом улетучились, она стала очень серьезной, и дрожала, и так притихла, словно изо всех сил старалась услышать что-то ему неслышное. Он даже хотел сказать, что любит ее, и попросить, чтобы поехала с ним, или предложить самому остаться – но Рен так тревожилась за отца, у которого случился какой-то приступ, и так злилась на маму, которая бросила их и вместе с Облаком-9 упала в пустыню, что Тео решил – получится, как будто он воспользовался минутой ее слабости. Последнее, что он запомнил, – как Рен смотрит вслед его дирижаблю и машет рукой, становясь все меньше и меньше, пока не исчезла совсем.

Полгода прошло, а он все еще думает о ней... Пора бы уже и перестать.

Поэтому какое-то время Тео вообще ни о чем не думал – просто качался на волнах разывшегося ветра, огибая покрытую зелеными лесами гору, где, словно знамена, развевался клочьями туман.

Полгода. За эти месяцы мир сильно изменился. Внезапные перемены – словно сдвиги тектонических плит, когда разом прорвалось напряжение, накопленное за долгие годы войны с Зеленой грозой. Во-первых, куда-то исчезла Сталкер Фанг. В Нефритовой пагоде нынче новый военачальник, генерал Нага, по слухам – человек жестокий. Едва став предводителем, он отбросил назад объединенные силы «Тракционштатдтсгезельшафта»¹ на Ржавых болотах и вдребезги разбил славянские города, уже давно понемногу щипавшие северные границы Зеленой Грозы. А затем, к общему изумлению, отозвал свой воздушный флот и заключил с движущимися городами перемирие. Из земель Зеленой Грозы доходили вести о том, что политзаключенных выпускают из тюрем и отменяют чересчур суровые законы. Поговаривали даже, что Нага планирует распустить Грозу и восстановить прежнюю Лигу противников движения. Теперь вот он прислал делегацию для переговоров с королевой и Советом Загвы, а возглавляет делегацию жена генерала, госпожа Нага.

Потому Тео и поднялся на рассвете и ушел со старым воздушным змеем повыше в горы. Переговоры должны были начаться сегодня, и отец с матерью и сестрами отправились в цитадель, хоть одним глазком поглядеть на чужестранцев, радостные и полные надежды. Когда Зеленая Гроза пришла к власти, Загва вышла из Лиги, ужасаясь их доктрине тотальной войны и войску из Воскрешенных мертвецов. Но теперь, как слышал отец Тео, генерал Нага предлагает официально заключить мир с варварскими городами и даже, говорят, готов демонтировать Сталкеров. Если он и правда это сделает, Загва и другие африканские стационарные города могли бы вновь присоединиться к обороне сохранившихся зеленых местностей. Отец Тео очень хотел, чтобы его жена и дети присутствовали при таком историческом событии, да и сам был не прочь посмотреть на госпожу Нагу – рассказывали, что она молода и красива.

¹ Traktionstadtsgesellschaft (нем.) – «Союз движущихся городов».

А Тео уже посмотрелся на Зеленую Грозу – на всю жизнь хватит. Да и не доверял он Наге и его посланникам. И вот, пока вся Загва собиралась в садах цитадели, Тео кружил в золотых воздушных потоках и вспоминал Рен.

Вдруг он увидел внизу движение – там, где ничто не должно двигаться, кроме птиц, а эти силуэты птицами быть никак не могли, слишком большие. Они вынырнули из тумана, скрывающего лес на горных склонах, – два крохотных дирижабля с оболочками в желто-черную полоску, словно осы. Тео мгновенно узнал миниатюрные гондолы и обтекаемые двигатели – в учебном лагере Зеленой Грозы его заставили вызубрить наизусть очертания вражеских кораблей. Сейчас перед ним были супермоскиты системы Косгроув. Города «Тракционштадтсгезельшафт» использовали их в качестве истребителей-бомбардировщиков.

Откуда они взялись? Тео не слышал, чтобы «Гезельшафт» отправлял боевые дирижабли в Африку, тем более так далеко на юг.

А потом он сообразил: они здесь из-за переговоров. Ракеты, сверкающие, как ножи, на пилонах под гондолами, скоро помчатся к цитадели – туда, где находится жена генерала Наги... и королева... и семья Тео.

Он должен их остановить.

Странно, как спокойно он об этом подумал. Только что мирно наслаждался полетом, радовался солнцу и чистому воздуху, а сейчас, вероятней всего, умрет, но почему-то это казалось естественным. Такая же часть утра, как ветер и солнечный свет. Наклонив воздушный змей, Тео полетел вниз, ко второму супермоскиту. Пока еще его не заметили. Команда москита состояла обычно из двух человек, и вряд ли они внимательно следили за окрестностями. Тео подлетел так близко, что мог уже разглядеть облупившуюся краску на гондолах двигателей. На стабилизаторах был изображен символ «Гезельшафта»: бронированный кулак на колесах. Тео прямо-таки восхитился отвагой авиаторов, которые в легко узнаваемых кораблях забрались так глубоко на территорию противников движения.

Он отвел назад воздушного змея, поворачивая его вертикально, и камнем рухнул вниз – научился этому приему еще в детстве, гоняя с приятелями по восходящим потокам воздуха над озером Льемба. Только на этот раз приземлился не в воду, а на твердую округлую поверхность оболочки дирижабля. Казалось, он страшно шумел, но Тео сказал себе, что в гондоле ничего не услышали за ревом двигателей. Он выпутался из лямок воздушного змея и хотел затолкать его под тросы, опутывающие оболочку, но ветер подхватил змея – Тео еле-еле успел отпустить, чтобы и самого не утащило. Уцепившись за трос, он беспомощно смотрел, как змей кувыркается за кормой.

Тео лишился единственного средства к спасению, но даже расстроиться не успел. Совсем рядом с ним откинулась крышка люка, оттуда высунулась голова в кожаном шлеме и уставилась на него сквозь затемненные летные очки. Все-таки услышали. Тео бросился вперед. Они с авиатором вместе скатились по короткому трапу и грохнулись на металлический мостик между двумя наполненными газом ячейками. Тео сразу вскочил, а авиатор остался лежать, оглушенный падением. Точнее, авиатриса – с виду тайка или лаотянка. Тео никогда не слышал, чтобы за «Гезельшафт» сражались уроженцы Востока. Но вот она – летит на их дирижабле, в их военной форме, с полным боезапасом ракет.

Загадка, но разгадывать некогда. Тео заткнул авиатрисе рот ее же шарфом, вытащил у нее из-за пояса нож и, отрезав кусок веревки от сетки, удерживающей ячейки с газом, связал ей руки и привязал ее к поручню. Когда завязывал последний узел, она очнулась и стала вырываться, зло сверкая глазами за треснувшими стеклами защитных очков.

Тео оставил ее бессильно корчиться на мостике и стал спускаться по еще одному трапу в тени газовых ячеек. Ее приглушенные проклятия скоро потонули в реве моторов. Когда Тео прыгнул в гондолу, солнечный свет ослепил его. Проморгавшись, Тео увидел, что второй пилот стоит к нему спиной возле панели управления.

– Что там такое? – спросил тот на аэросперанто.

Аэросперанто? Общий язык авиаторов, но Тео всегда думал, что в городах «Гезель-шафта» говорят по-немецки...

– Птица? – спросил пилот, переключил какой-то рычажок и обернулся.

Тоже с Востока. Тео толкнул его к переборке и сунул под нос нож.

Из-за горного отрога показался город. Команда ведущего супермоскита, не зная, что происходит на борту у напарников, начала разворот к цитадели.

Тео заставил пилота сесть в кресло и нащупал рукоятки радиопередатчика – такой же модели, какая была у него в летающей бомбе, когда он служил Зеленой Грозе.

Тео заорал в микрофон:

– Загва! Загва! Вас атакуют! Два дирижабля! Я во втором, – торопливо прибавил он, когда вокруг начали расцветать одуванчики взрывов, по бронированной гондоле застучала шрапнель и стекла в иллюминаторах пошли трещинами.

Именно в этот миг пилот решил полезть в драку. Он приподнялся с кресла и боднул Тео под дых, словно разъяренный бык. Тео выронил микрофон. Пилот перехватил его руку с ножом. Они боролись, отнимая друг у друга нож, и вдруг Тео увидел, что все в кабине залито кровью. Его кровью. Пилот снова ткнул его ножом. Тео закричал от злости, страха и боли, сиюсь отвести лезвие в сторону. Глядя в свирепо скривившееся лицо противника, он не заметил, как ведущий дирижабль исчез в шафранно-оранжевой вспышке. Ударная волна застала его врасплох. Все стекла вылетели разом. Обломки другого дирижабля вонзались в оболочку баллона. Оторванная лопасть пропеллера рассекла гондолу, словно серп. Вражеский пилот вылетел в огромную дыру, образовавшуюся на том месте, где раньше была стена. Тео все еще видел перед собой его широко раскрытые изумленные глаза.

Шатаясь, Тео добрался до радиопередатчика и схватил болтающийся на проводе микрофон. Он не знал, работает ли еще передатчик, и все равно орал в него, пока не потерял сознание от ужаса и потери крови. Падая, он успел услышать голос, который сообщил, что помощь уже в пути. Над цитаделью поднимались два столба дыма, а над ними в золотом небе набирали высоту синие, словно стрекозы, дирижабли воздушного корпуса Загвы.

Глава 2

Дела сердечные

*От кого: Рен Нэтсуорти,
ВТС «Дженни Ганивер»,
Перипатетиополис,
24 апреля 1026 г. Э. Д.*

Дорогой Тео!

Надеюсь, в Загве жить не очень скучно? На случай, если все-таки скучно, я решила: сяду, напишу тебе нормальное письмо. Расскажу, чем занималась все это время. Даже не верится... Кажется, все было только вчера – Брайтон, Облако-9 и мама...

После того как ты улетел в Загву, профессор Пеннироял тоже нас покинул. У него много друзей в других городах, к кому-то из них он и отправился погостить – а вернее, пожить за их счет. Я так думаю, потому что после крушения Облака-9 у него осталась только одежда, и та очень уж несуразная, вряд ли за нее много дадут на базаре в Ком-Омбо. Я его чуть было не пожалела даже. Он ведь нам помог – доставил в Ком-Омбо и шум такой поднял в больнице, что папу согласились лечить бесплатно. Хотя, я думаю, все у него будет в порядке (у Пеннирояла, в смысле). Он мне сказал, что задумал новую книгу – о сражении в Брайтоне. Пообещал не врать, особенно насчет нас с тобой, но, по-моему, он об этом обещании забудет, как только сядет за пишущую машинку.

Папа тоже в порядке. Доктора в Ком-Омбо дали ему какие-то зеленые пилюли, велели принимать. Теперь у него меньше болит, и приступов не было с той ужасной ночи на Облаке-9. Только он как-то вдруг постарел и ужасно грустит. Из-за мамы, конечно. Он ее по-настоящему любил, несмотря ни на что. А теперь не знает, жива она или нет. От этого ему очень тяжело, хоть он и храбрится.

Я думала, как только он поправится, захочет отвезти меня домой, в Анкоридж-Винляндский, а он об этом ни слова. Так мы и странствуем по птичьим дорогам – немножко мир посмотреть, немножко поторговать. Торгуем в основном антиквариатом и олд-теком, но только безвредным – не то что эта кошмарная Жестяная Книга! Неплохо зарабатываем. Даже смогли заново покрасить дирижабль и перебрать двигатели. Название поменяли снова на «Дженни Ганивер» – так наш кораблик назывался давным-давно, до того как профессор Пеннироял украл его у мамы с папой. Сначала мы сомневались, не опасно ли это, но вряд ли кто-то еще помнит название бывшего дирижабля Сталкера Фанг. А если и помнят, я думаю, никому нет до него дела.

Слышал о перемирии? (Я всегда считала, что генерал Нага – хороший! Когда Зеленая Гроза нас поймала на Облаке-9, солдаты все норовили тыкать в меня ружьями, а Нага велел им перестать. Приятно, что новый предводитель Грозы отрицательно относится к тыканью.) В общем, у нас тут все радуются перемирию и надеются, что войне конец, и я тоже надеюсь.

Я уже совсем привыкла к жизни воздушного торговца. Видел бы ты меня сейчас, сказал бы, что я сильно изменилась. Подстриглась по последней моде – вроде как наискосок, с одной стороны волосы свисают ниже подбородка, а с другой еле доходят до уха. Не хочу хвастаться, но выглядит очень стильно, прямо-таки утонченно, хотя иногда появляется ощущение, как будто я немножко кренюсь набок. Еще у меня новые сапоги, высокие такие, и кожанка – не длинная, как у папы и других авиаторов старшего поколения, а вроде куртки, на красной шелковой подкладке, с такими заостренными штучками внизу, называются не то клапаны, не то лацканы, не то еще как-то. И вот сейчас я сижу в кафе рядом с воздушным портом Перипатетиаполиса, вся такая – настоящая авиатриса, и наслаждаюсь городской жизнью. Раньше я и представить себе не могла настоящий город, знала только наш сонный Анкоридж, а теперь столько времени провожу на борту движущихся городов, и мне они очень-очень нравятся. Толпы народу, шум, толкотня, и мостовая подраживает в такт работе двигателей, как будто весь Перипатетиаполис – огромный дышащий зверь. Я жду папу. Он пошел на верхние ярусы – узнать, не посоветуют ли здешние доктора ему пилюли получше, чем выписали в Ком-Омбо (он, конечно, не хотел идти, но я уговорила). И вот, пока тут сидела, вспомнила о тебе, – знаешь, я о тебе часто вспоминаю. И я подумала...

Нет, решила Рен, так не пойдет. Смяв листок, она выбросила его в ближайшую урну. Уже наловчилась попадать довольно метко. Штук двадцать писем написала Тео и ни одного не отправила. Послала открытку на Рождество. Тео сам не особо верующий, но живет в христианском городе и, наверное, вместе со всеми отмечает эти их странные архаичные праздники. В открытке она написала только: «Счастливого Рождества!» – да пару строк о себе и папе.

Скорее всего, Тео ее уже позабыл, вот в чем беда. А если даже и помнит, вряд ли его заинтересует ее одежда, прическа и все прочее. А восторги по поводу движущихся городов его, надо думать, просто шокируют, ведь он ярый противник движения и вообще весь такой правильный...

А она его не забыла. Какой он был храбрый там, на Облаке-9. И тот прощальный поцелуй на воздушном причале Ком-Омбо, среди промасленных канатов и сваленных горами стяжек для воздушных поездов, под крики портовых грузчиков и рев двигателей. Рен до этого ни с кем не целовалась. Она толком не знала, как это делается. Например, куда девать носы? Когда они с Тео стукнулись зубами, Рен страшно испугалась, что все делает неправильно. Тео засмеялся и сказал, что все эти поцелуи – странная штука, а она сказала, что, наверное, научится, если будет больше тренироваться, но тут капитан дирижабля заорал: «Все на борт, кому надо!» – и начал отшвартовываться, и они ничего больше не успели...

С тех пор прошло полгода. Тео написал всего один раз. Рен получила его письмо в январе, в обшарпанном караван-сараяе в горах Тангейзера. Тео рассказывал, что благополучно добрался до дома, где родные встретили его с радостью, «как блудного сына» (что бы это ни значило). Рен так и не сумела сочинить ответ.

– Да ну его! – вздохнула она и заказала еще кофе.

Отец Рен, Том Нэтсуорти, побывал во многих переделках и не раз смотрел смерти в лицо, но никогда еще он не чувствовал такого леденящего страха.

Он лежал, совершенно обнаженный, на холодном металлическом столе в кабинете специалиста по болезням сердца на втором ярусе Перипатетиаполиса. Над ним покачивалась металлическая голова на длинной суставчатой гидравлической шее, с интересом его разглядывая. Том сильно подозревал, что мерцающие зеленые линзы этих глаз взяты у Сталкера. Навер-

ное, запчасти от Сталкеров нынче достать нетрудно и надо радоваться, что многолетняя война подарила людям хоть что-то хорошее: новые медицинские технологии и такие вот диагностические аппараты. Но когда стальная голова приблизилась к нему вплотную и стало слышно, как за светящимися глазами что-то жужжит и скрежещет, он мог думать только о старом Сталкере по имени Шрайк, который гнался за ними с Эстер через все Охотничьи Угодья в тот год, когда погиб Лондон.

Когда все закончилось и доктор Черновиц, выключив аппарат, вышел из комнатки со свинцовыми стенами, он не смог сказать Тому ничего нового. У Тома слабое сердце. Это из-за той пули, что всадил в него Пеннироял много лет назад, в Анкоридже. Постепенно состояние ухудшается, и когда-нибудь пуля его убьет. Ему остался год-два, может быть пять, не больше.

Доктор поджал губы и, качая головой, посоветовал избегать волнений. Том в ответ только рассмеялся. Как можно воздушному торговцу обойтись без волнений? Разве что вернуться в Анкоридж-Винляндский, но туда путь заказан – после того, что Том узнал об Эстер. Ему-то нечего стыдиться, он не продавал город охотникам Архангельска и никого не убивал на заснеженных улицах, но стыдно за жену, и чувствуешь себя дураком: столько лет с ней прожил и не подозревал, что она врет.

И Рен его не простит, если он сейчас потащит ее домой. Она жаждет приключений, точно так же как и Том в ее возрасте. Ей нравится жизнь на птичьих дорогах, и у нее есть все задатки хорошей авиатрисы. Том будет летать вместе с ней, научит ее выпутываться из всяческих переделок, а когда за ним явится Госпожа Смерть и заберет его в Страну, не ведающую солнца, он оставит дочери «Дженни Ганивер». Пусть Рен сама выбирает, что ей нужно: мирная Винляндия или вольное небо. Новости с востока обнадеживают. Если настанет прочный мир, для торговцев откроется масса возможностей.

Выйдя от врача, Том сразу почувствовал себя лучше. Когда над головой раскинулось вечернее небо, кажется невозможным, что ты умрешь. Город, тихонько покачиваясь, катился на север по скалистому побережью Великих Охотничьих Угодий. Наравне с ним по серебристой в лучах заката поверхности моря двигался рыбачий городок, а сверху кружились чайки. Том полюбовался на них с обзорной площадки, потом спустился на лифте на нижний ярус и прошелся по рынку возле воздушного порта, вспоминая, как впервые оказался в этом городе двадцать лет назад, с Эстер и Анной Фанг. В одном из этих ларьков он купил Эстер красный шарф, чтобы ей не приходилось все время прикрывать рукой искалеченное шрамами лицо...

Нет, не надо думать об Эстер. Каждый раз он вспоминает, как они расстались и что она сделала когда-то, и начинает сердиться, так что сердце трепыхается в груди. Он больше не может себе позволить мысли об Эстер.

Том направился к порту, мысленно репетируя, что он расскажет Рен о своем походе к доктору («Не о чем беспокоиться, даже операция не нужна...»). Возле Олд-тек-аукциона Пондишери он остановился, пропуская толпу выходящих из здания торговцев. Ему показалось, что он узнал одну женщину – довольно красивую, примерно его возраста. Видимо, на аукционе она сделала удачную покупку: в руках у нее был тяжелый на вид сверток. Она не заметила Тома, и он пошел дальше, стараясь вспомнить ее имя и где он мог ее встретить раньше. Кэти? Нет, Клития! Клития Поттс, вот как ее зовут.

Он обернулся, вытаращив глаза. Этого никак не может быть! Клития была ученицей в Гильдии историков, на год старше самого Тома, и погибла вместе со всеми лондонцами, когда МЕДУЗА уничтожила город. Не может она сейчас разгуливать по Перипатетиаполису! Видно, память шутки шутит.

А как похожа...

Том пошел за ней. Она быстрым шагом поднималась по лестнице на следующий уровень, к причалам с дирижаблями.

– Клития! – крикнул Том.

Она обернулась. Он вдруг вне всяких сомнений понял, что это действительно она, и засмеялся от радости и удивления.

Снова позвал:

– Клития! Это я! Том Нэтсуорти!

Мимо, бесцеремонно отпихнув Тома, прошла компания воздушных торговцев и заслонила обзор, а когда они удалились, женщины на прежнем месте уже не было. Том бросился к лестнице, не обращая внимания на предупреждающее покалывание в груди. Как могла Клития пережить МЕДУЗУ? Может, была тогда не в городе? Он слышал, что кое-кто из лондонцев спасся, но все они были из Гильдии купцов и во время взрыва находились в других городах. На Разбойничьем Насесте Эстер встретила того ужасного инженера, Попджоя, – ну так он был глубоко в Подбрюшье, когда включилась МЕДУЗА...

Том кое-как протолкался по забитой народом лестнице. Клития мелькнула вдали и скрылась между причалами долгосрочных стоянок. Винить ее не приходилось, после того как Том заорал ей вслед. Наверное, она его не узнала издали. Решила, что какой-нибудь псих или торговец-конкурент разозлился, что она перебила у него артефакт на аукционе. Том поспешил за ней, чтобы все объяснить. Она взбежала по еще одной лестнице на седьмой причал. Там был пришвартован небольшой, изящных очертаний дирижабль. Том приостановился на первой ступеньке и прочел написанные мелом на доске сведения: корабль назывался «Археоптерикс», занесен в реестр Воздушной Гавани, капитан – Крюис Морчард. Затем двинулся дальше, следя за тем, чтобы не сделать ничего пугающего – не побежать, не заорать и так далее. Конечно, имея за плечами обучение в Гильдии историков, Клития Поттс без труда нашла себе место у торговцев предметами олд-тека. Несомненно, капитан Морчард взял ее на должность специалиста по закупкам – потому Клития и пришла на аукцион.

Наверху лестницы Том остановился перевести дух. Сердце в груди стучало, как отбойный молоток. В сумерках «Археоптерикс» казался огромным. Дирижабль был окрашен в камуфляжные цвета: гондола и нижняя половина баллона – небесно-голубые, верхняя часть – мешанина зеленых, коричневых и серых пятен. В лужице бледного электрического света возле сходней стояли двое из экипажа, с виду потрепанные, словно кладоискатели с Поверхности. Том услышал, как один спросил Клитию:

– Ну что, купила?

– Купила, – ответила Клития, кивая на сверток у себя в руках.

Говоривший подошел ей помочь и заметил Тома. Клития, должно быть, увидела, как изменилось его лицо, и обернулась посмотреть, в чем дело.

– Клития? – сказал Том. – Это я, Том Нэтсуорти, ученик третьего ранга из Гильдии историков. Из Лондона. Я понимаю, ты меня вряд ли узнала. Сколько же времени прошло? Почти двадцать лет! Ты, наверное, думала, что я погиб...

Он был совершенно уверен, что Клития его узнала и даже обрадовалась, но тотчас же ее лицо застыло. Она отступила на шаг и оглянулась на двоих у сходней. Тот, что повыше, худой и с бритой головой, положил руку на рукоять меча.

– Мисс Морчард, этот тип к вам пристаёт?

– Все в порядке, Лурпак, – ответила Клития, махнув рукой, чтобы он оставался на месте. Затем подошла ближе к Тому и сказала вежливо:

– Простите, сэр, вы меня с кем-то путаете. Я – Крюис Морчард, владелица этого дирижабля. Я никого не знаю из Лондона.

– Но как же...

Том запнулся, растерянно вглядываясь в ее лицо. Это абсолютно точно была Клития Поттс! Она чуть-чуть располнела, как и он сам, и в темных волосах мелькало серебро, словно в них запутались паутинки, но лицо осталось прежним... Только между бровей, где Клития

Поттс гордо носила татуировку в виде синего глаза – знак Гильдии историков, – сейчас было пустое место.

Том уже ни в чем не был уверен. В конце концов, двадцать лет прошло... Может, он и ошибается.

Он сказал:

– Прошу прощения. Вы так на нее похожи...

– Ничего-ничего, не извиняйтесь, – ответила она с очаровательной улыбкой. – У меня лицо такое. Меня постоянно принимают за кого-нибудь другого.

– Вы так на нее похожи, – повторил Том с надеждой.

Вдруг она неожиданно передумает и все-таки вспомнит, что она – Клития Поттс?

Она поклонилась и пошла к дирижаблю. Ее подчиненные, настороженно поглядывая на Тома, помогли ей подняться по сходням с тяжелым свертком. Больше сказать было нечего, поэтому Том еще раз повторил: «Прошу прощения» – и отвернулся, жарко краснея. Он пошел через гавань к своему причалу. Не успел отойти шагов на двадцать, как сзади заурчали двигатели «Археоптерикса». Том обернулся. Дирижабль поднялся в вечернее небо и, быстро набирая скорость, полетел на восток.

Любопытно... Том отчетливо помнил: на доске у причала было написано, что дирижабль еще два дня простоит в Перипатетиаполисе.

Глава 3

Загадочная мисс Морчард

Я уверен, это она! – говорил Том за ужином в таверне «Веселый дирижабль». – Конечно, повзрослела, и знака Гильдии нет на лбу, это меня сбilo с толку сперва, но татуировку ведь можно свести, верно?

Рен сказала:

– Пап, ты, главное, не волнуйся...

– Я не волнуюсь, мне просто интересно! Если это Клития, как она осталась в живых? И почему не признается, кто она есть?

В ту ночь Том почти не спал. Рен тоже лежала без сна в тесной каюте внутри баллона «Дженни», слушая, как он в три часа утра пробирается от своей каюты на корме в камбуз и тихонько звякает посудой, заваривая чай.

Вначале Рен за него беспокоилась. Она не до конца поверила его пересказу разговора с врачом и была уверена, что ему вредно бодрствовать всю ночь напролет, переживая из-за таинственных воздухоплавательниц. Потом ей пришло в голову, что, быть может, неожиданная встреча ему даже на пользу. Рассказывая о ней за ужином, папа казался живым – Рен его уже много месяцев таким не видела. Апатия развеялась, он снова стал самим собой, переполненный вопросами и гипотезами. Трудно сказать, что на него так подействовало: тайна или возможная ниточка к родному городу или просто ему нравилась Клития Поттс; да и какая разница – хорошо, что ему есть о чем подумать, кроме расставания с мамой, правда же?

Наутро за завтраком Рен сказала:

– Надо разведать. Выяснить, что это за так называемая Крюис Морчард.

– Как? – спросил папа. – Сейчас «Археоптерикс» уже за сотню миль отсюда.

– Ты говорил, она что-то купила на аукционе. Вот оттуда и можно начать!

Мистер Пондишери, крупный лоснящийся мужчина, словно еще сильнее залоснился и увеличился в размерах, когда, подняв глаза от своих бухгалтерских книг, увидел, как в его тесную контору входят Том Нэтсуорти с дочерью. В этом сезоне «Дженни Ганивер» продала с его аукциона несколько ценных предметов олд-тека.

– Мистер Нэтсуорти! Мисс Нэтсуорти! Как я рад вас видеть!

Он встал и подпернул вышитый серебряной нитью рукав, протягивая пухлую смуглую руку. Том ее пожал.

– Надеюсь, вы оба в добром здравии? Боги небес к вам милостивы? Что вы мне принесли сегодня?

– К сожалению, одни только вопросы, – признался Том. – Не могли бы вы мне рассказать об одной даме, занимающейся археологией? Ее зовут Крюис Морчард, она вчера что-то здесь купила...

– Дама с «Археоптерикса»? – отозвался мистер Пондишери. – Да-да, я ее прекрасно знаю, но, боюсь, я не вправе разглашать...

– Конечно, – сказал Том. – Простите, простите!

Рен, которая ожидала чего-то подобного, достала из кармана небольшой тряпичный сверток и положила на стол перед мистером Пондишери. Аукционист замурлыкал, как кот, разворачивая ткань. Внутри лежал плоский прямоугольник из серебристого металла, инкрустированный крошечными квадратиками с едва различимыми полустертыми цифрами.

– Мобильный телефон Древних, – пояснила Рен. – Мы его купили в прошлом месяце у одного кладоискателя; он даже не знал, что это за штука. Папа хотел сам его продать, но, я думаю, он будет рад сделать это через аукцион Пондишери, если...

– Рен! – воскликнул Том, пораженный коварством дочери.

Мистер Пондишери наклонился чуть ли не вплотную к реликвии, ввинчивая в глаз ювелирную лупу.

– Какая красота! – восхитился он. – Замечательная сохранность! И кстати, с тех пор как объявили мир, в торговле безделушками наступило заметное оживление. Говорят, генералу Наге больше некогда сражаться, он же нашел себе очаровательную молодую жену. Почти такую же очаровательную, как Крюис Морчард... – Он подмигнул Тому – глаз в увеличительном стекле казался огромным. – Ну хорошо! Строго между нами, мисс Морчард в самом деле заходила вчера. Приобрела набор катушек Клейста.

– Зачем они ей? – удивился Том.

– Кто знает?

Мистер Пондишери с улыбкой развел руками, как бы говоря: «Я получаю свой процент, и какое мне дело, зачем клиенты покупают разную дребедень?»

– Пользы от них никакой. Наверное, для дальнейшей торговли, это же ее профессия. Она торгует олд-теком, и неплохо торгует, насколько мне известно. Живет на птичьих дорогах с тех пор, как была еще девчонкой.

– А она не говорила, откуда она родом? – с жадным любопытством спросила Рен.

Мистер Пондишери ненадолго задумался.

Потом сказал:

– Ее корабль приписан к порту Воздушной Гавани.

– Это мы знаем! А где она выросла? Где училась? Понимаете, мы думаем, что она из Лондона.

Аукционист снисходительно усмехнулся и снова подмигнул Тому, ловко убирая старинный телефон в ящик письменного стола.

– Ах, мистер Н., какие романтические мысли бродят в голове у нынешних барышень! Нет, в самом деле, мисс Рен! Из Лондона никого в живых не осталось.

Потом они пили кофе на балконе кафе и смотрели на восток, через бескрайние равнины Великих Охотничьих Угодий. Был один из тех теплых, золотистых весенних дней. Оставленные городами колеи и рытвины заполнила зеленая дымка, а в небе неслись стремительные облака. Далеко на востоке шахтерский городок вгрызался в горную гряду, которая по недосмотру до сих пор оставалась нетронутой.

– Самое странное, – сказал Том задумчиво, – что я точно слышал это имя раньше. Жаль, не могу вспомнить где. Крюис Морчард... Наверное, в прежние времена, на птичьих дорогах...

Он подлил Рен еще кофе.

– Ты, наверное, считаешь – глупо, что я так разволновался из-за ерунды. Просто, как подумаю, что еще один историк до сих пор жив... Через столько лет...

Объяснить не получалось. В последнее время он все чаще вспоминал свои ранние годы в Лондонском музее. Грустно подумать, что память о музее умрет вместе с ним. Если в самом деле где-то есть еще один живой историк, выросший среди тех же пыльных галерей и пахнущих пчелиным воском коридоров, дремавший на лекциях старика Аркенгарта и слушавший, как Чадли Помрой ворчит о недостаточно надежных амортизаторах здания, то ответственность за эти воспоминания ляжет на другие плечи, отзвук давних дней сохранится еще в чьей-то памяти даже после того, как Тома не станет.

– Я вот чего не понимаю, – сказала Рен. – Почему она все отрицает? Это же выгодно для торговли олд-теком, если продавец родом из Лондона и учился в Гильдии историков!

Том пожал плечами:

– Я всегда о себе помалкивал, когда мы с твоей мамой торговали. В те годы Лондон был непопулярен. Фортель, который устроила Гильдия инженеров, нарушил равновесие во

всем мире. Напугал множество городов и привел к власти Зеленую Грозу. Наверное, Клития поэтому взяла себе новое имя. Поттсы – известнейшая лондонская семья; из них со времен Квирка выходили олдермены и главы Гильдий. Дед Клитии, старый Писистрат Поттс, долгие годы был лорд-мэром. Если хочешь скрыть, что ты из Лондона, лучше не разгуливать под таким именем, как Клития Поттс.

– А что за штуки она купила у Пондишери?

– Катушки Клейста?

– Я о них никогда не слышала.

– С чего бы тебе о них слышать? – отозвался папа. – Это артефакт времен Электрической империи, она процветала в здешних краях вплоть до становления Культуры синего металла, примерно за десять тысяч лет до Эры Движения.

– Для чего они?

– Этого никто не знает, – ответил Том. – Занусси Клейст, лондонский историк, который первым начал их изучать, утверждал, что они должны каким-то образом фокусировать электромагнитную энергию, но практического применения им так и не нашли. Вообще, судя по всему, Электрическая империя в техническом отношении представляла собой тупиковую ветвь.

– Значит, эти катушки не особо ценные?

– Разве что как диговинка. Они довольно красивые.

– Тогда для чего они Клитии Поттс? – спросила Рен.

Том снова пожал плечами:

– Наверное, у нее есть покупатель. Может быть, знакомый коллекционер.

– Нужно лететь за ней, – сказала Рен.

– Куда? Я вчера спрашивал в портовом управлении – «Археоптерикс» не сообщил, куда направляется.

– Они летят на восток, – заявила Рен с уверенностью человека, который целый сезон занимался воздушной торговлей и успел изучить ее вдоль и поперек. – С тех пор как заключили перемирие, все бросились на восток, и нам тоже туда надо. Если даже не найдем Клитию Поттс, зато хорошо поторгнем. Я бы хотела посмотреть центральные Охотничьи Угодья. Можно слетать в Воздушную Гавань. У них в бюро регистрации наверняка есть сведения о так называемой Крюис Морчард и ее дирижабле.

Том допил кофе и сказал:

– Я думал, ты захочешь весной отправиться на юг. Твой друг Тео все еще в Загве? Мы могли бы получить разрешение на посадку...

– О, я как-то об этом не думала, – небрежно сказала Рен и вся порозовела.

– Мне понравился Тео, – продолжал Том. – Славный мальчик, добрый и воспитанный. И собой хорош...

– Папа! – строго сказала Рен, чтобы он перестал дразниться.

Потом, смягчившись, вздохнула и взяла папу за руку:

– Понимаешь, он такой воспитанный, потому что из хорошей семьи. Они богатые и живут в городе, который был центром великой цивилизации, когда наши предки еще ходили в звериных шкурах и дрались из-за объедков на развалинах Европы. С чего ему интересоваться мною?

– Дурак был бы, если б не заинтересовался, – сказал Том. – А он не производит впечатления дурака.

Рен с досадой вздохнула. Как папа не понимает? Сейчас Тео в своем родном городе, и вокруг него – толпы девчонок намного красивее Рен. Может, его уже и женили. А если нет, наверняка о ней он давно забыл. Поцелуй, который так много для нее значил, для Тео, верно, не значил ничего. И она не хочет выставлять себя душой – мчаться в Загву и заявиться к нему в дом, ожидая, что между ними все сразу станет как раньше.

Рен сказала:

– Папа, давай полетим на восток и отыщем Клитию Поттс.

Глава 4

Леди Нага

День за днем Тео носило по медленным волнам сменяющих друг друга боли и анестетика, и наконец он всплыл на поверхность в чистой белой палате, в городской больнице Загвы. Сквозь противомоскитную сетку и дымку смазанных воспоминаний виднелось открытое окно и горы, озаренные вечерним светом. У постели собрались мама, папа и две сестры Тео – Мириам и Каэло. Постепенно приходя в себя, он сообразил, что раны, видно, были очень серьезные, ведь девчонки, вместо того чтобы насмешничать и дразниться, какой у него глупый вид в бинтах и синяках, с плачем бросились его целовать.

– Слава богу, слава богу! – повторяла мама.

А папа наклонился к нему и сказал:

– Тео, ты обязательно поправишься. Но поначалу все висело на волоске.

– Нож, – вспомнил Тео, потрогав свой живот, обмотанный чистыми до хруста бинтами. – Ракеты... Они ударили по цитадели!

– Ракеты взорвались в саду, – успокоил его папа. – Никто не пострадал. То есть никто, кроме тебя. Ты, Тео, был тяжело ранен и потерял много крови. Когда тебя принесли наши авиаторы, врачи решили, что ты не жилец. Но госпожа посол узнала о тебе. Леди Нага, посол Зеленой Грозы, сама пришла тебя лечить. Она до замужества была хирургом или кем-то вроде того. Об устройстве человека она кое-что знает, это точно. Тео, это же слава! Тебя лечила жена генерала Наги!

– В общем, ты спас ей жизнь, а она – тебе, – сказала Мириам.

– Она обрадуется, когда узнает, что ты выздоравливаешь! – воскликнула миссис Нгони. – Твоя храбрость произвела на нее большое впечатление, и она о тебе волновалась. – Мама с гордостью показала на огромный букет в углу палаты, присланный леди Нагой. – Она сама ко мне подошла – рассказать, что операция прошла успешно. Тео, леди Нага – прекрасный человек!

Мама вся сияла, явно очарованная гостьей из Шань-Го.

– Если она такая хорошая, что она делает в Зеленой Грозе? – спросил Тео.

– Несчастная случайность, – предположил отец. – Нет, правда, Тео, она тебе обязательно понравится! Я сообщу в цитадель, что тебе лучше? Леди Нага наверняка захочет с тобой поговорить...

Тео покачал головой и сказал, что пока еще не очень хорошо себя чувствует. Он был рад, что сумел остановить варваров, и благодарен леди Наге за спасение жизни, но было неприятно сознавать, что он в долгу у кого-то из Зеленой Грозы.

На следующий день ему разрешили вернуться домой. Прошло несколько недель. Тео понемногу поправлялся, стараясь не думать о леди Наге, хотя мама с папой часто о ней говорили. Да что там – вся Загва говорила о леди Наге. Уже все слыхали о том, как она сменила пышное одеяние на врачебный халат, чтобы спасти жизнь мальчика по имени Тео Нгони. Ходили и другие рассказы – как она посетила древний собор, выдолбленный в сплошном камне на склонах горы Загва в Темные века, и молилась там вместе с самим епископом. Все считали, что это хороший знак, – все, кроме Тео. А он подозревал, что тут всего лишь очередная хитрость Зеленой Грозы.

Приходили двое королевских советников, расспрашивали, что он помнит о дирижаблях, которые атаковали город. Сказали, что захваченную им авиатрису допрашивают, но она не желает сотрудничать. Похвалили его за отвагу.

Тео сказал:

– Какая там отвага, просто у меня не было выбора.

Но втайне гордился, что все в Загве теперь будут считать его героем, а раньше помнили только, что он удрал и поступил в Зеленую Грозу.

– Я рад, что остановил этих горожан, пока никто не пострадал, – сказал он советникам.

Те как-то странно переглянулись и младший, кажется, хотел что-то сказать, но старший его остановил, и вскоре они ушли.

За окном Загва плавилась на солнцепеке. С уровня земли город выглядел не таким величественным, как с воздуха. Дома обшарпанные, краска на стенах осыпается, кровли провисли, на мостовых через трещины пробиваются сорняки. Даже медные купола цитадели запятнала прозелень. Величие Загвы осталось в прошлом, за тысячу лет назад; некогда подвластную ей могучую империю опустошили алчные города. Под вечер жители собирались в тени зонтичных деревьев и с возмущением обсуждали последние новости о зверствах горожан на севере. Может, когда-нибудь кто-нибудь из молодежи возмутится настолько, что отправится служить Грозе, как сделал Тео. Наблюдая за ними в окно, Тео старался и не мог вспомнить время, когда он был таким же уверенным и ни в чем не сомневался.

Однажды, примерно через месяц после воздушного налета, он читал в оранжерее, и вдруг мама с папой привели к нему гостя. Когда они вошли, Тео едва глянул, не отрываясь от книги, – он привык к посещениям многочисленных тетюшек и дядюшек, которые смущали его, разглядывая шрамы или вспоминая, каким он был сорванцом в три годика, или знакомили его с хорошенькими дочками своих друзей.

Только когда мама сказала: «Тео, милый, ты помнишь маршала авиации Кхору?» – он понял, что на этот раз все по-другому.

Кхора был одним из лучших африканских пилотов, он командовал воздушным корпусом Загвы. Высокий, все еще красивый, несмотря на свои почти полвека и седину, он был в парадных доспехах и традиционной накидке личной королевской стражи – желтой, с черными пятнами, символизирующей шкуру мифического животного под названием «леопард». Он низко, как равному, поклонился Тео. Начался разговор о каких-то несущественных мелочах – Тео потом и вспомнить не мог о чем, так разволновался. Кхора был его героем еще с детства. В девять лет он целый сезон дождей мастерил модель флагманского дирижабля Кхоры, истребителя «Мвене Мутапа»², с крохотной фигуркой Кхоры на кормовой галерее. Увидеть его здесь, живого и настоящего, в привычной домашней обстановке, было удивительно, и Тео не сразу заметил, что Кхора пришел не один. За спиной у него стояли две чужеземки-прислужницы в одеяниях из радужного шелка, а позади них – еще одна девушка, одетая попроще, невысокая и худенькая. Тео узнал ее по фотографиям в газетах.

– Тео, – сказал маршал Кхора, – познакомься, это леди Нага.

Тео знал, что нужно ответить: «Я не хочу с ней знакомиться. Не желаю иметь ничего общего с ней и с ее народом». Но в присутствии Кхоры у него от смущения отнялся язык, а госпожа посол уже подошла к нему, и, видя вблизи ее тонкое лицо и очки в тяжелой черной оправе (на газетных снимках она была без очков), Тео вдруг понял, что он ее знает.

– Вы были на Облаке-девять! – выпалил он, к большому удивлению Кхоры и прислужниц; они ожидали более официального приветствия. – В ту ночь, когда на город напала Зеленая Гроза! Вы – доктор Зеро! Вы тогда были с Нагой...

– Я и сейчас с Нагой, – ответила она с чуть заметной, немного озадаченной улыбкой.

² Мономотапа (также Мунхумутапа, Мвенемутапа) – крупное государственное образование доколониального периода на территории Южной Африки. Расцвет его приходится на XIII–XV вв.; «мвене мутапа» – династический титул правителя, также выполнявшего функции верховного жреца и военного предводителя племенной знати.

Леди Нага была совсем молодая и довольно красивая, немного похожая на мальчишку. В прошлую встречу волосы у нее были зеленые и коротко остриженные, а сейчас – подлиннее и черные. В открытом вороте льняной рубашки виднелся дешевый жестяной крестик – должно быть, купленный в киоске у собора.

Тронув крестик, леди Нага сказала:

– Так вы тоже были в прошлом году на Облаке-девять, господин Нгони? Простите, я вас не помню...

Тео закивал:

– Со мной еще была Рен. Вы увели нас от Сталкера Фанг и спрашивали Рен про Жестяную Книгу...

Тео умолк. Он только сейчас вспомнил, какая тогда на ней была форма. Отец сказал: «Она была хирургом или кем-то вроде того», – но это только половина правды. Она была хирургом-механиком, создавала Сталкеров для кошмарного Корпуса Воскрешенных.

– Так это был ты? – спросила леди Нага, все еще улыбаясь. – Прости... Столько всего случилось в ту ночь и после... Как твоя рана?

– Уже лучше, – мужественно ответил Тео.

Кхора засмеялся:

– На молодых все быстро заживает! Меня тоже как-то ранили, в седьмом году, в Батмунх-Гомпе. Подлый лондонец проткнул мне шпагой легкое. До сих пор болит иногда.

– Тео, сынок, – сказал папа. – Может, покажешь леди Наге сад?

Тео смущенно кивнул на открытую дверь. Они вышли в сад. Прислужницы следовали за ними на почтительном расстоянии. Оглянувшись, Тео увидел, что Кхора о чем-то увлеченно разговаривает с его родителями, а сестры смотрят на них и хихикают. Наверное, гадают, в которую из прислужниц он влюбится, сообразил Тео. Обе девушки были хороши. Одна – должно быть, хань³ или шаньгойка, другая – откуда-нибудь из южной Индии: кожа темная, как у самого Тео, и глаз чернее он ни у кого не видел.

Встретившись с ней взглядом, он быстро отвернулся и постарался скрыть смущение, показывая тропинку, ведущую в его любимую часть сада – к террасе с видом на ущелье. Над тропинкой нависали цветущие ветви апельсиновых деревьев. Леди Нага подняла с земли упавший цветок и пошла дальше, вертя его в руках. Тео заметил, что ее тонкие пальцы сплошь в пятнышках обесцвеченной кожи и темных, цвета чайной заварки.

– Химические реактивы, – объяснила она, поймав его взгляд. – Я долгое время работала в Корпусе Воскрешенных. Мы использовали разные химикаты...

Сколько же убитых солдат она превратила в Сталкеров? И как за полгода скромница из Корпуса Воскрешенных успела стать женой предводителя Зеленой Грозы?

Леди Нага, словно угадав его мысли, оглянулась на Тео и сказала:

– Это я в ту ночь убила Сталкера Фанг. Я восстановила другого древнего Сталкера, мистера Шрайка, и заставила напасть на нее. На генерала это произвело сильное впечатление. Он решил, что я очень храбрая. И наверное, подумал, что мне нужна защита. В Зеленой Грозе многие поклонялись Сталкеру Фанг как божеству, и эти люди были бы рады моей смерти. Ну и знаешь, военные бывают ужасно сентиментальными. Словом, генерал Нага оберегал меня на обратном пути, а когда мы вернулись в Тяньцзинь и генерал возглавил Зеленую Грозу, он предложил мне выйти за него замуж.

Тео кивнул. Было неловко обсуждать с ней настолько личные темы. Он видел Нагу – свирепого воителя в лязгающем механическом экзоскелете, компенсирующем потерянную правую руку и искалеченные ноги. Невозможно было вообразить, что доктор Зеро вышла за него по любви. Скорее, из страха или ради власти.

³ Хань – наиболее многочисленная народность в Китае (92 %).

– Наверное, генерал по вам скучает, – только и смог он сказать. Больше ничего не приходило в голову.

– Наверное, скучает, – ответила леди Нага. – Он хороший человек и на самом деле хочет мира. Хочет, чтобы между Загвой и Грозой снова была дружба. Я убедила его поручить переговоры именно мне. Он думает, что здесь для меня безопасней. Кое-кто в Грозе до сих пор ненавидит Нагу за то, что он старается закончить войну, а меня ненавидят, потому что я уничтожила прежнюю предводительницу и позволила Наге прийти к власти. Он решил, что на другом краю света я хоть ненадолго смогу от них укрыться. Видимо, он ошибался...

Тео не понял, что значат эти слова. Тут они как раз вышли из-под деревьев на озаренную солнцем террасу, и несколько минут леди Нага ничего не могла выговорить, кроме «Ох!», и «Ах!», и «Какой великолепный вид!».

Вид был действительно великолепный. Даже Тео, знакомый с ним всю жизнь, иногда замирал от восхищения, стоя на этой террасе и глядя через парапет. Склоны ущелья отвесно обрывались к аквамариновому изгибу реки далеко внизу, а вокруг высились горы; густую зелень высокогорных лесов сменял снег, вершины вздымались к ослепительному небу, и над ними грозowymi тучами нависали еще более огромные горы, сверкая на солнце белоснежным и льдисто-голубым. В небе реяли на восходящих потоках небесные гонщики – они напомнили Тео о его полете и о потерянном воздушном змее. Вдруг он сообразил, что леди Нага до сих пор не поблагодарила его за спасение от налета горожан, а он думал, что она за этим и пришла.

– Ради чего ты все это бросил и вступил в Зеленую Грозу? – спросила она.

Тео смущенно пожал плечами. Ему не хотелось вспоминать то время, когда он был живой летающей бомбой.

– Все это сейчас под угрозой, – сказал он. – Воздушный корпус по мере сил защищает границы, но с каждым годом от нас отгрызают все больше лесов и пахотных земель. Пустынные города движутся на юг и приносят с собой пустыню. Папа с друзьями без конца говорили об этом, а я слушал и ужасно хотел сделать хоть что-нибудь. Думал, Зеленая Гроза – то, что нужно. Я тогда был моложе. В молодости все кажется таким простым.

Леди Нага чуть-чуть улыбнулась.

– Тео, сколько тебе лет?

– Сейчас? Почти семнадцать. Осторожней! – вскрикнул он.

Темнокожая прислужница, увлеченная пейзажем, как и ее хозяйка, бесстрашно перегнулась через растрескавшийся каменный парапет.

– Осторожней! – заорал Тео. – Ограда очень старая, может рухнуть!

Девушка не обратила на него внимания, но тут вторая служанка тихонько произнесла: «Рохини!» – и оттащила ее назад.

Черные глаза растерянно уставились на Тео.

– Рохини тебя не слышит, – объяснила леди Нага. – Она глухонемая, бедняжка. Была рабыней, когда попала ко мне, – свадебный подарок от старого друга Наги, генерала Дзю. Я, конечно, против рабства, поэтому освободила ее, но она решила остаться у меня по своей воле. Она славная девочка...

Рохини поклонилась Тео, то ли благодаря за спасение, то ли извиняясь за то, что подвергла себя опасности.

– Не за что, – ответил он, потом спохватился, что она не слышит, и попробовал изобразить свою мысль жестами, насмешив обеих девушек.

Еще хуже, чем сестры, подумал Тео, хотя на самом деле не обиделся.

С верхнего уровня сада спустился по лестнице маршал Кхора, а с ним – родители Тео. Все трое казались очень серьезными. Кхора многозначительно переглянулся с леди Нагой. Тео не мог понять, к чему этот взгляд. Прислужницы немедленно перестали хихикать и отошли в сторонку. Домашние слуги принесли складные столики, стулья, красный чай со льдом и медо-

вые коврижки. Миссис Нгони сама руководила расстановкой стульев и велела принести зонт от солнца – она считала, что с такой светлой кожей, как у леди Наги, недолго получить солнечный удар, и не хотела, чтобы такое случилось у нее в саду.

– А теперь – к делу, – сказал Кхора, когда все уселись. – Тео, у меня есть для тебя работа. Возможно, опасная, зато интересная, и она может оказаться чрезвычайно важной для Загвы и для всего мира. Только не соглашайся, если на самом деле этого не хочешь! Никто тебя не осудит, если откажешься. Ты и так уже сослужил Загве огромную службу.

– Что за работа? – спросил Тео, оглядываясь на родителей; папа смотрел на него с гордостью, мама – с тревогой. – Что нужно сделать?

Кхора не ответил прямо. Он встал, подошел к парапету и стал смотреть на озаренную солнцем долину.

– Тео, – заговорил он, – когда ты оказался на дирижабле варваров, ты не заметил в экипаже ничего необычного?

Тео не мог понять, о чем речь.

– Они были с Востока, – сказал он наконец. – Помню, я еще подумал, что не слышал о таком – чтобы восточники воевали на стороне «Тракционштадтсгезельшафта»...

– Я тоже не слышал о таком, – отозвался Кхора. – И никто не слышал. Авиатриса, которую ты взял в плен, утверждает, что они с товарищами – наемники с плавучего города под названием Душистая Пристань и получают деньги от немецких городов. У нее при себе имелись бумаги, вроде бы подтверждающие это, а среди обломков второго дирижабля мы нашли каперский патент, подписанный мэром Панцерштадт-Кобленца. Мы не можем доказать, что эти документы – подделка. И все же не верится... Да и среди оборудования на дирижаблях тоже встречаются сюрпризы...

– Радиостанция, – вспомнил Тео. – Той же модели, что у Зеленой Грозы...

Кхора снова сел и, наклонившись к Тео, проговорил еле слышно:

– Я думаю, ты предотвратил не нападение варваров, а покушение на леди Нагу, устроенное кем-то из Зеленой Грозы.

– Почему... – начал Тео – и тут вспомнил, о чем ему рассказала леди Нага. – Потому что она уничтожила Сталкера Фанг?

– Потому что они меня ненавидят, – сказала леди Нага.

– Не только поэтому, – возразил Кхора. – Леди Нага из скромности не говорит о том, что поворот к миру произошел в основном благодаря ей. Генерал Нага ее обожает и делает все, что она попросит.

– Я стараюсь направлять его по мере сил, – сказала леди Нага, краснея.

– Но кое-кому в Зеленой Грозе невыносима сама мысль о примирении с движущимися городами, – продолжал Кхора. – Им будет очень кстати, если леди Нагу убьют, и еще лучше – если ее убьют горожане. Вряд ли Нага заключит мир с теми, кого будет считать убийцами своей любимой жены.

– Потому что они и постарались выдать свою атаку за нападение «Гезельшафта». Их план провалился. Кто знает, что они придумают теперь? Здесь леди Нага в безопасности, но на ее дирижабль могут напасть по пути в Тяньцзин. Ее наверняка будут поджидать на птичьих дорогах к востоку от Загвы.

– И вот мы решили, – сказал Кхора, – устроить врагам леди Наги небольшой розыгрыш. Переговоры должны продлиться еще неделю, однако мы, по сути, все уже обсудили. Леди Нага убедила нас в серьезности намерений ее мужа, и мы согласились ему помочь. Через несколько дней из воздушного порта Загвы отправится в путь ничем не примечательный торговый дирижабль. Он полетит на северо-запад, к стационарному поселению на плато Тибести, а оттуда – на север, к Ахеггарскому перевалу. Но где-нибудь над пустыней он переменит курс и полетит в Шань-Го. На борту будет леди Нага, инкогнито, с одним-двумя верными людьми. Никто не

ждет, что она отправится этим путем на таком корабле. К тому времени как ее собственный дирижабль вылетит из Загвы после официального завершения переговоров, ее уже благополучно доставят к мужу в Тяньцзинь.

– Вы обо мне говорите, как о какой-то посылке, – пожаловалась леди Нага, смущаясь оттого, что из-за нее столько хлопот.

– Дирижаблем, на котором полетит леди Нага, должен командовать капитан-африканец, – продолжал объяснять Кхора. – Если враги проведают, что из Загвы отправился дирижабль под командованием человека с востока, они могут разгадать нашу хитрость, а так они решат, что это просто местный торговец. Конечно, тут нужен человек, доказавший свое мужество и преданность и желательно хоть немного владеющий аэроперанто.

– Я? – сообразил наконец Тео.

Посмотрел на леди Нагу, на маму с папой – они все ждали его ответа. Папа застыл, не донеся до рта коврижку. Половина ее медленно отломилась и шмякнулась папе на колени.

– Вы хотите, чтобы я вел дирижабль?

Тео стало и страшно, и весело. Снова полететь на север, посмотреть мир... Ему доверяют такую ответственную миссию... Он окинул взглядом уютный дом, сады по уступам гор в солнечных лучах, серьезные лица родителей. Однажды он уже сбежал, не спросив, и поступил в Зеленую Грозу. Они же не отпустят его во второй раз?

– Пап? – спросил он взволнованно. – Мам?

– Тео, тебе решать. – Отец обнял жену за плечи. – Ты доказал, что более чем способен постоять за себя. Мы давно замечали, что ты места себе не находишь, рвешься в небо.

– Как птица в клетке, – сказала мама.

– Если ты решишь лететь, мы, конечно, будем скучать и тревожиться о тебе, будем молиться за твое благополучное возвращение, но удерживать тебя не станем, – добавил папа. – Тебя выбрал маршал, это большая честь.

– Необязательно решать сейчас, – мягко сказал Кхора. – Дирижабль отправляется во вторник, в безлунную ночь. Подумай хорошенько, посоветуйся с родителями, а завтра утром сообщишь мне свое решение.

Но Тео не нужно было долго думать. Леди Нага спасла ему жизнь, и дух приключений все еще его не покинул, несмотря на все, что ему пришлось пережить в прошлом году. И еще невольно мелькнула мысль: там, на севере, не встретит ли он снова Рен Нэтуорти на птичьих дорогах?

Во вторник, в безлунную ночь, Тео шел рядом с маршалом Кхорой через воздушный порт Загвы, расположенный за городскими стенами, на невысоком плато. В ярко освещенном ангаре перед ними во всем своем великолепии предстал крейсер леди Наги, «Весна в сливовом цвету». Тео на него едва глянул, хотя еще не видел такого очаровательного дирижабля. Все его внимание сосредоточилось на ожидающем его воздушном корабле в самом дальнем и темном конце порта. Дирижабль был ничем не примечательный – собственно говоря, потому его и выбрали, – но сразу было видно, что построен он на совесть. Небольшой ладный «Ачебе-1040» с обтекаемыми гондолами двигателей и длинными, изящными стабилизаторами. Такие дирижабли повсеместно использовали в Африке для перевозки людей и грузов, а этот явно прожил долгую трудовую жизнь, пообтрепался и обшарпался – но это было первое судно, которым Тео доверили командовать, и он был убежден, что дирижабль даже еще лучше, чем «Весна в сливовом цвету». Кораблик назывался «Нзиму».

Тео уже со всеми попрощался, и леди Нага, видимо, тоже – она ждала его у сходней всего с двумя сопровождающими: молодым офицером, который сменил мундир Зеленой Грозы на мешковатый костюм воздушного торговца, и глухонемой служанкой Рохини. Кхора объяснил, что вторая прислужница, Чжоу Ли, останется в Загве и через неделю будет в одежде своей гос-

пожи присутствовать на официальном банкете. Она ростом выше леди Наги и по национальности хань, а не алеутка, но в целом они довольно похожи, и если какие-нибудь шпионы будут наблюдать за церемонией, возможно, их удастся уверить, что госпожа посол все еще в Загве.

– Тео! – Леди Нага взяла его за обе руки, здороваясь. – Помнишь Рохини? А это капитан Распутра, он вызвался лететь со мной в качестве телохранителя.

– Она – драгоценный груз! – Распутра сверкнул белозубой улыбкой среди черной окладистой бороды. – Я обещал Наге, что глаз с нее не спущу.

– Больше никого, полетим вчетвером, – сказала леди Нага.

– Когда будете заправляться в Тибести, – произнес Кхора, – пусть все думают, что леди Нага и капитан – пассажиры, а Рохини – твоя жена.

– Хорошо. – Тео покосился на красавицу-служанку, тихо радуясь, что здесь нет его сестер: вот бы они сейчас хихикали!

Капитан Распутра заметил:

– Ветер усиливается.

Леди Нага поклонилась Кхоре:

– Маршал, ваша страна прекрасна. Я мечтаю побывать здесь еще раз, когда на планету вернется мир.

– Надеюсь, этого недолго ждать! – Кхора ответил поклоном на поклон.

Ветер трепал их плащи.

Выпрямившись, Кхора сказал:

– Леди Нага, вам моя особая благодарность за то, что избавили нас от Сталкера Фанг. Я знал Анну Фанг при жизни и любил. Как представляю, что эта гнусная тварь разгулиwała с ее лицом...

– Я вас понимаю, – ответила леди Нага. – У меня самой брат... Но не тревожьтесь за Анну Фанг. Она обрела покой.

Леди Нага вновь протянула Тео свою миниатюрную руку:

– Тео, поднимаемся на борт?

Глава 5

Мальчик и его Сталкер⁴

Селедка бегом пробирался по переулку, затерянному на нижних ярусах Каира. Вокруг даже в такой поздний час было полно народу, но это его не беспокоило. Селедке было всего десять лет, он едва доставал прохожим до пояса. Они почти не замечали, как он прошмыгивает мимо, прижимая к животу под просторным балахоном сумку с ворованным олд-теком. Иногда он задерживался возле ларьков, где грудами были навалены детали разных механизмов и толпились увлеченные спором покупатели. Здесь, в Нижнем Сууке⁵, обожали торговаться и спорить, и, если правильно рассчитать время, в пылу препирательств никто не увидит, как худенькая детская ручонка ухватит обрывок провода или погнутый кусок доспеха.

Наконец он собрал все, что нужно, стащил с прилавка липкий пирожок и, жуя на ходу, юркнул в лабиринт лестниц и мостиков, по которому можно было попасть в систему городских водостоков. Каир, урча моторами, катился по пересеченной местности к берегам Срединного моря, и в зловонных трубах водосточной системы гулко отдавался скрип и скрежет огромных колесных осей. Здесь было темно, только местами сквозь решетки проникали красные отсветы плавильных печей. Вонь, грохот, дым обычному человеку показались бы невыносимыми, а Селедка здесь был как дома. В шумном Подбрюшье города, куда почти никто не заходил, он чувствовал себя в безопасности.

И все равно сперва проверил, не следят ли за ним, и только потом отодвинул решетку в стене главной сточной трубы, сбросил в дыру тяжелую сумку, а потом сам протиснулся и спрыгнул вниз.

В крохотном помещении было темно. Темно и сухо. Сто лет назад Каир в поисках добычи заехал далеко на юг, в те края, где подолгу шли проливные дожди. Тогда ему и понадобилась мощная система водостоков. С тех пор как город вернулся в пустыню, стоки запечатали и забыли о них. В Нижнем Сууке поговаривали, что в ливневой канализации обитают джинны и злые духи. Селедка всякий раз улыбался, когда слышал такие разговоры, потому что это была правда.

Он подобрал сумку и побрел через залежи грязных оберток и пустых бутылок от воды, сплошь покрывающих пол. Что-то зашевелилось в дальнем углу, где сквозь еще одну решетку падали неверные отсветы.

– Селедка? – раздался шепот.

– Анна, здравствуй!

Селедка обрадовался, что это она. Включил лампу – ворованный аргоновый шар, к которому он сделал отводку от кабеля с верхнего яруса. Сталкер прислонилась к стене в углу, выставив перед слепым бронзовым лицом длинные когти-клинки, – обнажила их, когда услышала, что кто-то идет. Селедка почувствовал то же, что и всегда, возвращаясь к ней: гордость, омерзение и какую-то странную любовь. Гордость – потому что он сам ее построил, собрал по кусочкам разбитое тело, отыскивая фрагменты в пустыне. Омерзение – потому что получилось совсем не так хорошо, как он надеялся. Ее доспех, наверное, раньше был гладким и серебристым, а сейчас выглядел тусклым и помятым, как старое ведро, весь в нашлапках припоя, похожих на болячки, и в кое-как приклепанных заплатках из расплюснутых консервных банок. И хотя Селедка не видел ни одного Сталкера в действии, он сильно подозревал, что их шарниры не должны так ужасно скрипеть при каждом движении.

⁴ Аллюзия на постапокалиптическую повесть Харлана Эллисона «Мальчик и его пес» (1969); также известна по-русски как «Парень и его пес», «Парень с собакой». В 1975 г. была экранизирована.

⁵ Суук, или сук (араб.) – рынок, базар.

Ну а любовь... Каждому нужно кого-то любить, а у Селедки никого не было, кроме Сталкера. Она спасла его в пустыне, объяснила, как ее отремонтировать. Странная спутница, иногда и страшноватая, но все-таки с ней лучше, чем одному.

– Я муфты нашел, – объявил Селедка, вытряхивая содержимое сумки в угол комнаты, там он хранил краденые инструменты.

Комната покачивалась и подрагивала в такт движению города. То и дело сквозь решетку проталкивались острые лучи света, бросая блики на застывшее лицо Сталкера с успокаивающей бронзовой улыбкой.

– Скоро я тебя почию, – пообещал Селедка. – Сегодня...

– Спасибо, Селедка. Спасибо, что заботаешься обо мне.

– Да не за что.

В Селедкином Сталкере на самом деле было две разных личности. Одна – Сталкер Фанг, суровая беспощадная особа, которая много лет командовала Зеленой Грозой, а теперь командовала Селедкой. Но иногда она сильно вздрагивала и на пару секунд затихала, а когда снова начинала говорить, это уже была Анна – гораздо мягче той и как будто немного растерянная.

Сперва Селедка думал, что Анна – результат короткого замыкания у Сталкера в мозгу, но со временем понял, что все не так просто. Анна помнила много разного, что случилось давным-давно, и любила говорить о чужих краях и людях, о которых Селедка и не слышал даже. Часто в ее рассказах не было смысла – просто перечисление разрозненных имен и образов, словно кусочки рассыпанной головоломки. Иногда она просто тихо всхлипывала, а то просила Селедку ее убить. Как это сделать, он не знал, а если бы и знал – ни за что не стал бы: вдруг она в процессе превратится в Сталкера Фанг и его самого убьет? Но Анна ему нравилась. Он был рад, что сегодня она – Анна.

Он отыскал ее ноги, сложенные в углу и прикрытые старыми газетами. Селедка давно уже их восстановил и был доволен результатом своих трудов, хотя у правой не хватало нижней части и вместо нее он приделал металлическую ножку от стола. До сих пор не получалось прикрепить ноги к туловищу – не было подходящей соединительной муфты, а сегодня Селедке наконец повезло. Спасибо перемирию на востоке: в Каир со всех сторон слетались торговцы с территорий, где раньше шла война, – из земель «Тракционштадтсгезельшафта» и с Алтай-Шаня. Вот уж где-где, а на Алтай-Шане хватало деталей от поломанных Сталкеров.

Селедка напился воды и принялся за работу.

Сказал:

– Скоро мы отсюда уберемся.

– Ты нашел дирижабль? – прошептала Анна.

Она казалась взволнованной. Одно у них со Сталкером Фанг было общее – обе вечно пилили Селедку, чтобы скорее заканчивал ремонт и отвез их в какое-то место под названием Шань-Го. Сталкера Фанг там ждало важное дело. Анна просто хотела вернуться домой.

– Когда-то у меня был свой дирижабль, – прошептала она. – «Дженни Ганивер». Я ее сама построила, тайно, в Архангельске. Воровала запчасти на разделочной верфи Стилта. Так и сбежала...

– Не дирижабль. – Селедке уже надоела эта история. – Как, по-твоему, я сопру дирижабль? Воздушный порт на три яруса выше! Опасно.

– Мы же не можем идти пешком в Шань-Го. Слишком долго получится.

Селедка приставил одну ногу к туловищу и начал сосредоточенно подсоединять проводки и гибкие трубки.

– Пешком не придется. Я сегодня слышал новости в Нижнем Сууке. Угадай, куда направляется Каир? К Брайтону! Встанем на стоянку у самого берега и будем торговать с Брайтоном. Переправляться на лодках там всяких. Наверное, в Брайтоне и пиявки есть. На пиявке запросто доберемся до Шань-Го.

– Глаза, – прошептала Сталкер, поворачивая к нему лицо с разбитыми линзами на месте глаз. – Чтобы попасть в Шань-Го, я должна видеть. Найди мне новые глаза!

Ее голос изменился. По-прежнему шепот, но резче и словно бы шипящий. Селедка понял, что с ним говорит Сталкер Фанг. Но он не растерялся.

– Прости, глаз нету. Сколько ни ищу, нигде найти не могу. Может, в Брайтоне, а?

Хотя предчувствие подсказывало, что и в Брайтоне не найдет. На самом деле он видел в Нижнем Сууке несколько ларьков, где продавали глаза для Сталкеров: на прилавках стояли большие стеклянные банки, полные глаз, будто круглых леденцов. Селедка с самого начала решил, что не станет их воровать. Он же не дурак. Понятное дело, Сталкер Фанг сильнее его, быстрее и умнее. Но пока она слепа, ей не обойтись без малыша Селедки.

– Может, в Брайтоне, – повторил он и начал приделывать вторую ногу.

Глава 6

Радужный шелк

Всю ночь «Нзиму» летел на северо-северо-запад и к рассвету уже плыл в спокойном воздухе над необозримой пустыней. Тео, после того как на пределе сил вел дирижабль над горами к северу от Загвы, быстро заскучал. Полет проходил гладко. Госпожа посол по большей части сидела у себя в каюте, в верхней части баллона. Хорошенькая служанка то и дело спускалась по трапу, шурша радужным шелком, полюбоваться видом из иллюминаторов гондолы. Пару раз Тео, обернувшись, перехватывал устремленный на него взгляд. Она быстро отводила глаза, внезапно увлеченная проводами над главным пультом управления или качающимися стрелками альтиметра.

Что-то в ней чудилось знакомое, и мысли об этом преследовали Тео все долгие часы безделья. Может, она ему напоминает Рен? Да нет, она намного красивее Рен...

Капитан Распутра оказался дружелюбным, вежливым, знающим и абсолютно уверенным, что отлично доставит бы леди Нагу в Тяньцзин без помощи какого-то там Тео Нгони.

– Слушай, друг, – сказал он вечером, придя сменить Тео. – Давай проясним сразу. Я – авиатор с двенадцатилетним стажем, из собственной эскадрильи генерала Наги. А ты кто? Дилетант. Неудавшийся пилот бомбы-стакана. Ты не обижайся, но тебя взяли командовать этой лоханкой только для виду, лишь бы противник поверил, что это местное торговое судно. А на практике, пока мы в небе, давай уж я буду заниматься всеми делами, ладно?

Перед тем как лечь спать, Тео забрался на верхушку баллона и долго стоял на ветру на крохотной обзорной площадке, высматривая опасности, но так ничего и не увидел. Только несколько пустынных городков двигались в разных направлениях, волоча за собой длинные шлейфы пыли, слишком занятые своими заботами, чтобы обращать внимание на посторонний дирижабль. И в небе тоже было пусто, если не считать далекого воздушного поезда, который шел на юг, сверкая на солнце, словно янтарное ожерелье.

Тео вздохнул. Ему почти хотелось, чтобы на них напали пираты или наемные убийцы и он смог бы доказать свою нужность леди Наге и капитану Распутре. Он представлял себе, как снова совершает героический подвиг (благополучно забывая, какого страху натерпелся на борту супермоскита). Слухи о нем пойдут по птичьим дорогам и в конце концов дойдут до Рен. Правда, когда он попробовал вообразить Рен, вместо нее увидел мысленно лицо хорошенькой прислужницы Рохини.

Леди Нага, она же Энона Зеро, у себя в каюте опустилась на колени, склонила голову, сложила вместе запятнанные реактивами ладони и начала молиться. Она не ждала, что Бог ответит, – по ее мнению, мир устроен иначе. Но Его присутствие она ощущала очень отчетливо с той давней ночи на Облаке-9, когда была совершенно уверена, что сейчас умрет. Бог дал ей силы, утешение и мужество. Самое меньшее, что она могла предложить в ответ, – это молитва.

И потому она шептала благодарственную молитву за гостеприимство Загвы, за доброту королевы, епископа и маршала Кхоры. Благодарила за отвагу Тео Нгони и просила, чтобы с ним не случилось ничего плохого в этом их тайном путешествии, похожем на бегство. Тут ее отвлекла неожиданная мысль. Жаль, что ее муж не так молод и хорош собой, как Тео...

Она открыла глаза и посмотрела на портрет Наги, который держала возле своей койки: искаленное тело затянато в механический доспех, обветренное лицо цвета охры скривилось в неумелой улыбке. Каждый раз, глядя на этот портрет, она думала: за что этот человек ее полюбил?

Она его не любила. Была благодарна за защиту и радовалась, что Зеленую Грозу возглавил порядочный человек. Потому и не смогла ответить «нет», когда он попросил ее выйти за

него замуж. «Конечно», – сказала она и с этой минуты пребывала в состоянии глухого изумления, пока не оказалась в красном свадебном наряде и, привстав на цыпочки, не поцеловала своего – теперь уже – мужа в присутствии огромного множества офицеров, жрецов, подружек невесты и нервничающего христианского священника; его за большие деньги привезли на дирижабле из какого-то стационарного поселения на островах Западного Архипелага – одарить новобрачных благословением нового бога Эноны...

От воспоминаний ее отвлек тихий стук в дверь. В каюту вошла Рохини, как всегда молчаливая и застенчивая. Энона села за складной туалетный столик и распустила волосы, чтобы служанка могла их расчесать. При свете лампы кончики волос поблескивали каштановыми бликами – напоминание о том, что ее предки, вероятно, были американцами и бежали на далекие Алеутские острова после Шестидесятиминутной войны. Лишняя причина радикалам Зеленой Грозы ненавидеть жену генерала...

Она постаралась не думать о них, наслаждаясь легкими прикосновениями Рохини и тихим, дремотным шуршанием щетки для волос. Рохини была намного спокойнее и милее других прислужниц – те словно бы обижались, когда Энона обращалась к ним как к равным. Одна только Рохини, кажется, искренне к ней привязалась и ценила доброту леди Наги.

Поэтому еще ужасней было, когда Рохини внезапно бросила щетку на пол, затянула на горле Эноны пояс от своего радужного наряда и прошипела – а раньше Энона не слыхала ее голоса:

– Мы знаем, что ты сделала, горожайка несчастная! Ты уничтожила нашу любимую предводительницу и соблазнила этого дурака Нагу! Теперь ты узнаешь, как поступают с предателями истинные приверженцы Зеленой Грозы...

Тео что-то разбудило, а снова заснуть он не смог. В каюте холодно, койка неудобная, он страшно соскучился по дому. Тео включил лампу и посмотрел на циферблат. Еще несколько часов до того, как нужно будет сменить Распутру. Он со стоном выключил свет и свернулся под колючим одеялом, напрасно стараясь еще поспать.

Но чем дальше, тем больше ему казалось, что дирижабль поменял курс. Ветер как-то иначе шумел вокруг баллона. Тео научился обращать внимание на такие мелочи, когда служил на бомбоносцах корпуса «стаканов», – там любое внезапное изменение маршрута могло означать, что их отправят в бой. «Нзиму» предстояло менять курс только на подлете к горам Тибести, а Тео было уверен, что они не покажутся до восхода.

Что происходит? Ему представилась целая стая варварских летательных аппаратов, приближающаяся с наветренной стороны, или пиратский катер, выскочивший снизу, из какого-нибудь укрытия среди барханов. И конечно, Распутра решил, что сумеет от них уйти, и даже не счел нужным сообщить Тео! Он скатился с койки и натянул сапоги и куртку – единственное, что снял, когда ложился спать.

Спускаясь по центральному трапу, он заметил внизу Рохини – она направлялась к каюте леди Наги. Тео хотел уже ее окликнуть, спросить, что случилось, но вспомнил, что она его не услышит. Да и не хотел понапрасну ее пугать, – может, изменение курса вызвано совсем безобидной причиной. Сперва надо поговорить с Распутрой.

Тео дождался, пока Рохини скроется из виду, и, лихо соскользнув с оставшихся перекалдин трапа, прыгнул в гондолу.

– Что происходит? – спросил Тео.

Но капитан Распутра не мог ему ответить. Капитану кто-то перерезал глотку, да так умело, что умер он практически мгновенно: симпатичное лицо мертвеца отражало всего лишь легкое удивление.

– Капитан Распутра? – спросил Тео.

И вздрогнул, заметив краем глаза движение совсем рядом, – но это было его собственное отражение в окне, с глупо вытаращенными глазами. Тео уставился на самого себя. Кто это сделал? Неужели на борту посторонний? Убийца забрался на корабль, как сам Тео – на те супермоскиты над Загвой? Нет; запах крови, ужас оттого, что находится наедине с трупом в окружении стеклянных стен, живо напомнили события на Облаке-9. И теперь он понял, почему Рохини казалась такой знакомой.

Тео сдернул с крюка топорик, который висел на стене на случай пожара, и заставил себя снова подняться по трапу. Подбегая к каюте леди Наги, он услышал, как внутри кто-то что-то сказал о предателях. Послышался шум борьбы, какие-то предметы падали и катились по полу. Тео заорал, чтобы придать себе храбрости, и с размаху обрушил топор на дверной замок. Замок вылетел с первого удара, и дверь каюты распахнулась.

Среди свалившихся с опрокинутой койки простыней и раскатившихся по полу блестящих пузырьков и флакончиков с туалетного столика стояла на коленях леди Нага, обеими руками цепляясь за пояс, которым Рохини ее душила. Торжествующее выражение на лице Рохини лишь чуть-чуть поблекло, когда она увидела стоящего на пороге Тео с топором.

– А постучаться нельзя было? – спросила она сердито.

– Синтия Туайт, – сказал Тео.

– Сюрприз! – ответила девушка с улыбкой.

Из горла леди Наги вырвался жуткий булькающий звук, словно остатки воды утекают из ванны в сливную трубу. Тео шагнул вперед и замахнулся топором, но у него бы духу не хватило ударить девушку, и он знал, что Синтия тоже это знает.

Вспомнив, какая она тщеславная, Тео сказал:

– Ты совсем по-другому выглядишь...

Это сработало. Синтия небрежным рывком затянула пояс потуже и отпустила, словно ей надоело душить леди Нагу. Жертва рухнула вниз лицом и осталась лежать неподвижно.

– Хорошо получилось, правда? – сказала Синтия, указывая на свои черные волосы – когда Тео видел ее в прошлый раз, они были белокурыми – и на свою смуглую кожу, которая раньше была бледной.

Синтия улыбалась, как будто Тео сделал ей весьма изысканный комплимент. Это была ее единственная слабость в роли секретного агента – Синтия была в таком восторге от собственной ловкости, что не могла устоять перед искушением рассказать своим жертвам в подробностях, как она их обхитрила.

Тео надеялся, что, если сумеет потянуть время, какое-нибудь доброе божество поможет ему придумать выход.

– Волосы и кожа – это легко, – говорила Синтия. – Труднее всего было с глазами. Я ношу такие специальные предметики олд-тека – называются «контрактные линзы».

Она поднесла указательный палец к глазу и моргнула, а когда отняла руку, глаз был, как раньше, васильково-синий и выглядел нелепо на смуглом лице.

– Не был бы ты таким рохлей, сейчас мог бы меня ударить, – сказала Рохини. – Но, я вижу, ты все такой же трус. Будет приятно тебя убить, Тео Нгони. Я потому и припасла тебя напоследок.

– Пожалуйста, – прохрипела леди Нага, корчась на палубе, словно утопающий. – Не трогай его...

Синтия поставила на нее ногу:

– Не лезь, мы тут разговариваем!

– Синтия! – крикнул Тео. – Зачем ты так?

Синтия шагнула к нему, глядя в лицо разноцветными глазами.

– Эта алеутская дрянь предала нашу предводительницу, чтобы Нага мог захватить власть. Думаешь, мы – те, кто по-настоящему любил Сталкера Фанг, – спустим ей это?

– Но почему здесь? – беспомощно спросил Тео. – Почему сейчас? Ты ей прислуживала... Могла ее убить еще в Тяньцзине... И Нагу тоже.

Синтия вздохнула, раздражаясь на такую наивность.

– Нагу мы убивать не собираемся. Кому это надо? Начнется гражданская война, и все еще больше отвлекутся от главной задачи: уничтожить городских. Мы только хотим, чтобы он отказался от перемирия. Если б ты не сунулся, когда я вызвала дирижабли, дело давно было бы сделано! Ну ничего, я терпеливая. Через несколько минут это ржавое ведро заполыхает. Выживет одна Рохини, она и расскажет Наге, как Загва нас выдала городским и городские сбили нас в пустыне. Тут и конец любым соглашениям между Нагой и вашей шоблой. А с городскими он вряд ли станет мирные переговоры вести, когда узнает, как они обошлись с его миленькой женошкой. Тут уже снова начнут палить пушки. А хозяйка нас наградит, когда вернется в Тяньцзин!

– Какая хозяйка? Фанг? Она мертва!

Синтия улыбнулась жуткой улыбкой:

– Она с самого начала была мертвая, африканец! Поэтому ее нельзя убить. Просто она ждет, когда мы остановим все эти изменнические разговоры о перемириях. Потом вернется и поведет нас к полной и окончательной победе!

– Ты ненормальная! – сказал Тео.

– Кто бы говорил! Тот, кто бежит и вышибает двери здоровенным топором, – хмыкнула Синтия и без предупреждения пнула Тео в живот.

Она вырвала у него из рук топор, а сам Тео вылетел в открытую дверь и с грохотом свалился на нижний уровень. Решетчатый мостик ударил его в лицо. Несколько секунд Тео лежал, чувствуя вкус крови во рту и прислушиваясь к шагам Синтии. Они раздавались на мостике наверху, потом ее тень мелькнула на боковой стенке баллона. Тео заполз в щель под какой-то трубой. Шаги смолкли.

– Тео? – крикнула сверху Синтия. – Ты не думай, я не потащусь тебя искать. Убить тебя было бы приятно, только мне не до игры в прятки. Да и разницы никакой. Под центральной газовой ячейкой установлена бомба. Она взорвется в полночь. Так что я сейчас возьму вашего дурацкого загванского воздушного змея и свалю отсюда. У меня скоро встреча с друзьями там, в пустыне. Пока-пока!

Вновь зазвучали шаги и понемногу затихли. Как догадался Тео, Синтия направлялась к аварийному выходу в боковой части баллона. У самого выхода в шкафчике хранились полдюжины воздушных змеев – повседневные модели, не такие яркие, на каком он летал в Загве. Тео ждал, прислушиваясь. Наконец услышал, как открылся люк: внутрь оболочки ворвался ветер, меняя все звуки. Тео торопливо вскарабкался по боковой опоре туда, где в оболочку баллона был вделан стекластиковый иллюминатор. Снаружи при свете звезд мелькнуло вдали черное нетопырье крыло на фоне серебристых барханов.

А что другие воздушные змеи? Зная Синтию, можно не сомневаться: она их, скорее всего, сломала. А вдруг не успела, потому что задержалась из-за Тео? Он бросил взгляд на часы и с облегчением увидел, что до полуночи еще восемь минут. Не обращая внимания на боль в груди и в боку, Тео начал карабкаться вверх по трапу. Даже если бы он не знал, где находится аварийный выход, легко бы его нашел – в открытый люк с воем задувал холодный ветер. Конечно, шкафчик был пуст; Синтия, убегая, вышвырнула запасных змеев наружу. Но Тео, высунув голову в люк, заметил, что один змей зацепился за трос. Тео без труда дотянулся до него и втащил внутрь.

Тяжело дыша, он стал застегивать на себе ремни змея – и тут вспомнил про леди Нагу. Змей был большой, а она – миниатюрная; наверняка змей поднимет их обоих. Она хоть жива? Тео снова глянул на часы. До шкафчика он добирался не так долго, как казалось. Надо попробовать спасти леди Нагу. Он же обещал.

Оставив змея возле шкафчика, Тео ссыпался по крутому трапу к каюте. Леди Нага так и лежала, где была, но, услышав шаги, тихонько заскулила и попыталась отползти – она решила, что это возвращается Синтия.

– Все хорошо! – Тео встал на колени и перевернул леди Нагу.

– Рохини... – прохрипела та.

– Она ушла, – сказал Тео, помогая ей подняться. – Да она и не Рохини. Ее зовут Синтия Туайт, она была шпионкой на службе у Сталкера Фанг.

– Туайт?

Леди Нага нахмурилась и застонала, – видно, думать было больно.

– Нет, она была белая... Девочка-агент на Облаке-девять. Нага вез ее с собой на «Погребальном громе», но, когда мы прилетели в Шань-Го, она исчезла... Ох, Тео, мне срочно нужно домой! Иначе она или ее друзья скажут Наге, будто меня убили городские, и тогда мира не видать...

– Не разговаривайте! – сказал Тео, боясь, что она еще больше себе навредит, проталкивая слова через бедное, измученное горло. – Я вас отвезу домой, обещаю, только сначала нужно убраться с дирижабля. Тут бом... – Он глянул на часы и замолчал.

На часах по-прежнему было без восьми минут полночь.

«Я упал с лестницы, – подумал Тео. – Часы остановились...»

Он еще успел вспомнить, как папа часто говорил: «Не понимаю, зачем вы, молодежь, носите эти дурацкие наручные часы. Карманные намного солиднее и гораздо надежнее к тому же», – и тут грянул взрыв, и дирижабль разлетелся на куски.

Глава 7

Веселый Брайтон

С тех пор как Рен и Тео были здесь в прошлый раз, Брайтон переменялся к худшему. Исчез летающий дворец Облако-9, а с ним – большая часть правящей элиты. Теперь Брайтоном правили Пропашие Мальчишки. В город они попали против своей воли, как пленники корпорации «Шкин», а в ночь нападения Зеленой Грозы сбежали из клеток и быстро освоились в Брайтоне, создав собственные мини-королевства среди чистеньких престижных улиц Куинз-парка и Монпелье, равно как и в темном лабиринте кривых переулков Лейнза. Набрали войска из нищих и взбунтовавшихся рабов, дрались между собой, а иногда заключали ненадежные союзы, которые могли распасться из-за пары краденых сапог или алчного взгляда на хорошенькую рабыню. Пропашие Мальчишки непредсказуемы – порочные и сентиментальные, жадные и щедрые, а многие попросту безумные. Их сторонники устраивали по ночам бои на замусоренных бульварах, горя жаждой мести за сорванную сделку или воображаемую обиду.

При всем при том Брайтон по-прежнему оставался приманкой для туристов. Гости высшего класса его больше не посещали (шикарные отели стояли в развалинах или становились крепостями Пропаших Мальчишек), и счастливые семейства не селились в гостиницах подешевле и не плескались в Морском бассейне, однако находились любители: состоятельные художники, обитающие на комфортабельных средних уровнях городов, нетронутых войной, и избалованные мажоры, которым хотелось испытать немного приключений, прежде чем всерьез заняться карьерой при щедрой поддержке своих родителей. Эти люди считали новый Брайтон волнующим значным местом. Им щекотало нервы, что в клубах и барах они оказывались бок о бок с настоящими преступниками; они приходили в восторг, когда в ресторан, где они обедают, вваливался какой-нибудь Пропаший Мальчишка со своей свитой; в их глазах, если у набережных плещутся помои, целыми днями гремит несмолкающая музыка, а поутру за борт сбрасывают трупы, – все это значит, что Брайтон в чем-то более настоящий по сравнению с их родными городами. Кого-то из них успевали ограбить, всех безбожно обсчитывали и облапошивали, а иных находили в темных закоулках Кротовой Норы или Белой Касатки с вывернутыми карманами и перерезанным горлом – зато оставшиеся в живых возвращались к себе в Милан, Перипатетиаполис или Сен-Жан-Ле-Катр-Милль-Шво⁶ и много лет еще надоедали родным и знакомым рассказами о каникулах в Брайтоне.

Были такие и среди пассажиров баркаса, который отчалил от берега в том месте, где оставился Каир, но у большинства имелись куда более зловещие причины для поездки в Брайтон. То были наркоторговцы с партией гашиша или пыльцы, воры, торговцы оружием и еще какие-то сомнительные личности, которые прослышали, что в Брайтоне нынче можно купить вообще все, что угодно. А на носу, в фонтанах брызг, обрушивающихся через планшир всякий раз, как баркас переваливал через очередную волну, стоял Селедка, смотрел, как приближается город-курорт, и жалел, что не остался в безопасности на берегу.

Пока они сидели в потайной комнатке в Каире, легко было успокаивать Сталкера, обещая украсть пивку, а теперь, когда впереди из воды поднимались ржавые борта Брайтона, Селедку одолевали сомнения. Он вспоминал, как другие Пропашие Мальчишки называли его предателем и четко объяснили, что хотят его убить разнообразными оригинальными способами. Ему тогда пришлось сигануть за борт и спастись вплавь, рискуя утонуть в волнах прибоя. Он думал, что власти Брайтона давно переловили Пропаших Мальчишек, но из разговоров других пассажиров понял, что ошибался. Пропашие Мальчишки нынче сами – власти Брайтона.

⁶ St Jean Le Quatre-Mille Chevaux (*фр.*) – *досл.*: Св. Иоанн Четыре Тысячи Лошадей.

Баркас обогнул гниющую брайтонскую корму, проплыл мимо замызганных гребных колес и полуразрушенных набережных, мимо района под названием Пляж Ультим⁷, где у грязного железного причала был пришвартован длинный ряд пиявок. Совсем близко от Селедки девушка-туристка сказала своему приятелю:

– Фу, ужасные машины! Как будто огромные пауки!

– Подлодки Пропавших Мальчишек! – отозвался тот. – Можно заказать экскурсию на такой лодке, посмотреть на город снизу! И не только для экскурсий их используют. Пропавшие Мальчишки в глубине души остались пиратами. Я слышал, некоторые мелкие городки исчезли без следа, после того как попались на пути Брайтона...

– Фу! – повторила девушка, но в голосе звучал восторг – ведь она побывает в городе, где обитают настоящие живые пираты.

Селедка не разделял ее энтузиазма. Он все сильнее подозревал, что зря сюда вернулся.

Их лодка вошла в канал, где неподвижно стояла грязная вода – между основным корпусом города и районом-аутригером под названием Кемптаун. Над каналом нависали арки заброшенных прогулочных пирсов, роняя хлопья ржавчины, когда Брайтон покачивало на волнах. Матросы баркаса будили гулкое эхо, переключаясь с докерами на причале через быстро сужающуюся полосу воды. Пахло солью и мазутом. Среди разного мусора на волнах качаласьдохлая кошка. Баркас переключил моторы на задний ход. Пассажиры начали собирать вещи, охлопывая себя по карманам – проверяя, на месте ли бумажники и денежные пояса. Селедка же только поднял воротник и надвинул пониже засаленную кепку. Ему хотелось остаться на баркасе да так и вернуться в Каир.

Сталкер, молчаливо стоя рядом в длинной мантии с капюшоном, которую Селедка украл на базаре, словно почувствовала его страх. Стальные пальцы нежно сжали его руку, и у самого уха раздался шепот:

– Ничего не бойся. Я с тобой.

Сегодня это была Анна. Селедка крепко ухватился за ее руку, чувствуя себя самую чуточку храбрее. Он даже не особенно забеспокоился, когда порыв ветра сорвал у него с головы кепку и швырнул ее вверх – туда, где ярко светило солнце.

Двумя ярусами выше, в укрепленной гостинице на бульваре Оушен, Пропавший Мальчишка по имени Морской Еж резко обернулся, когда мимо окна пролетела подхваченная ветром кепка.

– Что это? – спросил Морской Еж.

Его друзья и телохранители схватились за оружие и ответили, что не знают. Одна рабыня сказала, что вроде бы это просто шапка.

– Просто шапка? – прошипел Морской Еж. – «Просто» ничего не бывает! Шапка что-то значит! Чья она? Откуда она взялась?

Телохранители, друзья и рабы устало переглянулись. Паранойя Морского Ежа крепчала с каждым днем. По ночам он дергался во сне и будил всю шайку криками о Гримсби и каком-то Дядюшке. Телохранители и друзья подумывали уже, что скоро придется скинуть его за борт и предложить свои услуги другому Пропавшему Мальчишке, у кого нервы покрепче, – например, Крилю или Наживке.

Морской Еж, взметнув полы шелкового халата, бросился по драгоценным коврам в комнату, где он держал экраны. Все Пропавшие Мальчишки шпионили друг за другом, для этого у них были экраны и краб-камы, которые ползали по всему городу. Жители уже привыкли, что в вентиляционных трубах постоянно скребутся металлические лапки или слышатся дребезжащие звуки, если два краб-кама встретятся и подерутся. Иногда на рассвете под вентиля-

⁷ Plage Ultime (фр.) – Последний пляж.

ционными отверстиями находили кучку оторванных металлических ножек и разбитые линзы – следы ожесточенных ночных боев.

– Все на свете что-нибудь да значит! – наставительно сообщил Морской Еж своим прихлебателям.

Они столпились в дверях, наблюдая, как он щелкает переключателями экранов.

– Вы говорите – шапка, а я говорю – это знак! Может, это весть от Дядюшки!

В последнее время Морской Еж часто видел во сне Дядюшку. Дядюшка что-то ему нашептывал. Еж стал верить, что старик жив и скоро накажет Пропавших Мальчишек за то, что позволили захватить себя в плен жителям Брайтона.

Но, наведя краб-камеру на группу туристов, что высаживались на причал у Кемптаунской лестницы, он увидел не Дядюшку. Сперва даже не понял, кого это он видит, – просто почудилось что-то знакомое в облике мелкого мальчонки, ведущего за руку калеку в черном балахоне. И тут подала голос рабыня по имени Моника Уимс – она раньше работала в корпорации «Шкин», и память на лица у нее была получше, чем у Морского Ежа.

Она ткнула пальцем в экран:

– Смотрите, хозяин! Это малыш Селедка!

Малыш Селедка тащил за собой Сталкера по замусоренным тротуарам под колоннадой на самом краю города, мимо заколоченных досками кафе и разоренных развлекательных центров. Наконец они вышли на яркое солнце, отражающееся от металлических мостовых у Последнего пляжа. Нарисованная по трафарету надпись на белой стене гласила: «К пляжу», – и Селедка со Сталкером пошли по указателю, мимо заброшенных отелей и пустых бассейнов, мимо гигантских станин городских двигателей системы «Митчелл-энд-Никсон» и вниз, к пристани, где выстроились в ряд пиявки.

Пристань была обнесена оградой из железной сетки. На воротах висел замок, но для Сталкера замки и заборы ничего не значили. Висячий замок отлетел в сторону, Селедка распахнул ворота и побежал к пиявкам, ощущая необъяснимую ностальгию по прежней жизни в Гримсби. Бронированные рубки и суставчатые ноги, облепленные ракушками и чайчьим пометом, придавали пиявкам сходство с огромными доисторическими крабами. Селедка знал их наперечет – «Морской таракан», «Склизкий угорь-2», «Перепад температур» и «Прикольный организм», но для себя он выбрал самую новую, самую маленькую и ладную пиявку, под названием «Паучок». Она стояла ближе других к воде, а прислоненная к передней ноге доска с объявлением приглашала на увлекательную прогулку под городским днищем, поэтому можно было надеяться, что пиявка уже запроважена горячим.

Селедка обернулся к Сталкеру, но оказалось, что та отстала. Бедненькая, куда ей угнаться за Селедкой, ковыляя на ножке от стола! Селедка пошел к ней, пересекая зигзаги теней между пиявками.

Крикнул:

– Анна! Иди сюда! Помоги люк открыть!

И тут раздался вой электромоторов. С улицы, тянувшейся под станинами двигателей, вылетели два «жука» и через открытые ворота выскочили на пристань. Оба мчались чересчур быстро и были до отказа набиты мужчинами и мальчишками. Все не поместились в кабинах, поэтому многие стояли на крыше или висели на подножке. Все они размахивали саблями, ракетницами и гарпунными ружьями. Селедка дернулся бежать, но путь к отступлению оставался всего один – через ворота, а их уже закрывали люди, соскочившие с «жуков». Селедка, скупая от страха, кинулся к морю, но сухопутники уже окружили его. Среди них Селедка увидел знакомого. Худой, высокий, дерганный мальчишка с рыжими волосами, а звали его...

– Морской Еж, – сказал Морской Еж. – Помнишь меня, Селедка? Я-то тебя помню!

В руках он держал ружье для подводной охоты.

– Ты доносчик, так? Это ты разболтал Шкину, где находится Гримсби? Ты не думай, я не забыл. И никто из наших не забыл. Вот покажу им, кого я поймал, – может, они меня зауважают. Может, Дядюшка меня пощадит, когда явится нас наказать. Может...

Внезапно за спиной Морского Ежа оказалась Селедкина боевая машина. Она ухватила Пропащего Мальчишку одной рукой за подбородок, другой – за волосы и резким движением крутанула ему голову. Треск переломившейся шеи разнесся по пристани, будто выстрел. Последнее, что Морской Еж увидел в жизни, было его собственное удивленное лицо, отраженное в бронзовой маске. Палец судорожным движением надавил на спусковой крючок направленного в небо ружья. Серебристый гарпун сверкнул в солнечных лучах над клубами пара от работающих вхолостую двигателей, высоко-высоко в чистом небе над городом.

У Селедки едва хватило соображения броситься плашмя рядом с бьющимся в конвульсиях телом, и тут же над головой засвистели пули, громко щелкая по обшивке пиявок. Тем временем гарпун взлетал все выше, все медленнее и наконец словно завис в ослепительно-синем небе – серебряная искорка среди кружащих в вышине чаек. Сталкер выпустила когти. Гарпун начал падать, а Сталкер – убивать прихлебателей Морского Ежа, по очереди, одного за другим, находя их по запаху и по звуку выстрелов. Когда гарпун со звоном упал на металлическую палубу у дальнего края пристани, все члены шайки были мертвы.

Сталкер убрала когти, помогла Селедке встать и мягко спросила, не ранен ли он.

– Анна? – удивился Селедка. – Я думал, ты превратилась...

– Та, другая, по-моему, еще спит, – прошептала она и похлопала по своему балахону, который дымился в нескольких местах – там, где в нее попали из ракетницы.

– Я не думал, что ты можешь так... – промямлил Селедка, глядя на ее окровавленные руки и рукава.

Морской Еж у него под ногами перестал дергаться, затих. Селедка вспомнил – в Гримсби Еж относился к нему по-доброму.

– Я думал, так только *она* может...

Анна сказала:

– Мне раньше иногда приходилось убивать. Я забыла, а сейчас вспомнила. Я это хорошо умела. Когда выполняла задания Лиги. И еще в Стейнсе, когда спасала бедняжек Тома и Эстер...

– Ты знаешь Тома и Эстер?

Эти имена поразили Селедку даже больше, чем скоропостижная кончина Морского Ежа и его команды.

Но Сталкер уже взяла его за руку и быстрым шагом направилась к выбранной им пиявке. Она не потрудилась ответить на вопрос и, взламывая тяжелый люк, что-то шипела себе под нос о Шань-Го и ОДИНе. Добрая смертоносная Анна вновь скрылась в глубинах ее разума. Рядом с Селедкой была Сталкер Фанг.

Глава 8

Нейтральная полоса

Рен приснился Тео, но она не помнила, что он во сне говорил или делал, – подробности, секунду назад такие живые и яркие, забылись, как только она проснулась. Папа осторожно тряс ее за плечо и звал по имени.

– Ох! – пробормотала она. – Что случилось?

Она лежала у себя на койке, на борту «Дженни Ганивер», укутанная в шкуры и одеяла, – на птичьих дорогах даже весной было холодно. За иллюминатором – темнота. Рен села, протирая глаза.

– Что случилось? – повторила уже разборчивее. – Тебе плохо?

– Нет-нет, – ответил Том. – Прости, что рано разбудил. Тут прямо по курсу такое зрелище – будешь жалеть, если проспшишь.

Папа твердо верил, что бывают на свете такие зрелища, невероятно красивые, или величественные, или поучительные, что Рен никогда его не простит, если он позволит ей их проспать. Он часто вспоминал, как впервые увидел Батмунх-Гомпу и горную цепь Тангейзера. Пока летели на восток, он часто вытаскивал Рен из койки ни свет ни заря, чтобы полюбоваться восходом или приближающимся особо живописным городом. Рен, вопреки его ожиданиям, не всегда была за это благодарна – ей, как всякому подростку, требовался полноценный сон.

Но на этот раз, когда Рен, что-то сердито бурча себе под нос, вышла на полетную палубу и увидела картину, открывающуюся за лобовыми окнами «Дженни», она его мгновенно простила.

Дирижабль шел на небольшой высоте, а внизу расстилалась все та же однообразная, исчерченная шрамами-колеями равнина, над которой они летели уже много дней. К югу, над Ржавыми болотами и Хазакским морем, висел белесый клоч тумана, но Том разбудил Рен не ради этого. Впереди, словно горы, окутанные клубами собственного дыма, высились движущиеся города – Рен в жизни своей не видела такого их скопища. Освещенные окна и топки двигателей сверкали в сумерках драгоценными камнями. Средние и мелкие города, которые когда-то поразили Рен своими размерами, сновали туда-сюда и казались карликами на фоне огромных бронированных зиккуратов ближе к восточному краю скопления. На палубах-основаниях не меньше мили в поперечнике громоздилось по пятнадцать уровней фабрик и жилых домов, и все это было одето в броню, наподобие средневекового рыцаря, и щетинилось пушками и причальными стойками боевых дирижаблей. «Дженни Ганивер» добралась до восточной границы территорий, где правили принципы муниципального дарвинизма, и сейчас приближалась к одной из колоссальных городских стоянок «Тракционштадтсгезельшафт».

Четырнадцать лет назад, когда Рен училась ползать и, пугая своих родителей, тащила в рот камешки, жуков и мелкие безделушки, Зеленая Гроза вырвалась из горных крепостей Шань-Го, неся войну и разруху по всей территории Великих Охотничьих Угодий. Воздушный флот и армия Сталкеров рвались на запад, гоня перед собой перепуганные движущиеся города. Тех, кто оказывался недостаточно проворен, безжалостно уничтожали. Арминиус Краузе, бургомистр Тракционштадт-Веймара, отправил посольства в одиннадцать других немецкоговорящих городов с предложением объединиться и дать отпор Зеленой Грозе, пока все до единого движущиеся города и поселки не сбросили в море, загнав на самую западную окраину Охотничьих Угодий.

Так возник «Тракционштадтсгезельшафт». К двенадцати крупнейшим городам вскоре присоединились другие. Они дали клятву не есть движущиеся города, пока не уничтожат Зеленую Грозу. Вместо этого они будут питаться дирижаблями моховиков, их крепостями и осед-

лыми поселениями до тех пор, пока мир не станет снова безопасным для муниципального дарвинизма, – а это, как известно всякому цивилизованному человеку, самый естественный, разумный и справедливый образ жизни, лучшего пока еще не придумали.

Они развернулись лицом к врагу, сражались отчаянно и заставили-таки изумленную Грозу прекратить наступление. Сложилась патовая ситуация. Широкая извилистая полоса ничейной земли протянулась через Охотничьи Угодья, от Ржавых болот до Ледяных Пустошей, разделив два мира. К востоку от нее Зеленая Гроза создавала все новые стационарные поселения и раздавала фермерам отравленную и перепаханную городами землю. К западу жизнь продолжалась почти как раньше – крупные города пожирали мелкие, а мелкие охотились за поселками; единственное отличие заключалось в том, что теперь каждый мэр отправлял долю добычи на прокорм городов «Гезельшафта».

Год за годом шли ожесточенные бои. То одна, то другая сторона пыталась прорвать линию фронта. Полоса выжженной земли и безлюдных болот ценой бесчисленных жизней переходила из рук в руки, и каждый раз, когда стихал грохот сражений, оказывалось, что ничего, в сущности, не изменилось и нейтральная полоса, подобно мертвой реке, все так же тянется поперек всего континента.

Потом наступило перемирие, и пока что обе стороны его соблюдали. Западные торговые города и промышленные платформы, кто похрабрее, двинулись к нейтральной полосе, посмотреть на нее своими глазами, и возле каждого скопления городов «Гезельшафта» сама собой возникала ярмарка. К такой вот ярмарке и приближалась «Дженни Ганивер». Том снизил высоту, чтобы поднырнуть под плотную серую шапку городского дыма. Рен рассматривала верхние ярусы больших городов и мелкие городишки, шныряющие по узким полоскам земли между глубокими траншеями от гусениц городов покрупнее. Среди них попадались и крохотные деревушки-кладоискатели, и скоростные боевые пригороды – Том сказал, их называют жнецами. В небе кишели дирижабли, воздушные шары-такси и громоздкие воздушные поезда. Эскадрилья уродливых летательных аппаратов с ревом хамски промчалась перед самым носом «Дженни».

– Небесные свиньи! – буркнул Том и долго еще ворчал о заумных подражаниях Древним и авиаторах, которые не уважают обычаев птичьих дорог.

А Рен была в восторге. Машущие крыльями и выписывающие мертвые петли машины напомнили ей Летучих Хорьков – отважных авиаторов, которых она видела в действии над Облаком-9.

За окнами проплыл боевой город под названием Мурнау⁸ – колоссальный бронированный клин, весь в дырах бойниц. Его ярусы имели форму длинных треугольников, сужающихся к носу, – а там из-под городских челюстей выпирал мощный таран. Город был таким большим и грозным, что дух захватывало. Вдали виднелись еще пять или шесть таких же городов. Они выстроились в ряд вдоль западной кромки Ржавых болот. Некоторые казались даже еще больше Мурнау.

Город, куда направлялась «Дженни», был совсем не таким воинственным. В нескольких милях от Мурнау в небе завис небольшой пончик – палуба в форме кольца, застроенная домиками из легких материалов, с бахромой причальных стоек по краю. В воздухе ее поддерживало разноцветное сборище воздушных шаров, словно доброжелательная тучка. За недолгое время, что Рен провела на птичьих дорогах, она часто бывала на этом пончике, в холодных северных небесах и в удушливо-липких южных. Увидеть его здесь, над скоплением бронированных чудищ, – как будто домой вернуться.

Воздушная Гавань!

⁸ *Мурнау*, Фридрих Вильгельм (1888–1931) – выдающийся немецкий кинорежиссер-экспрессионист, постановщик фильмов «Носферату. Симфония ужаса» (1921), «Последний человек» (1924), «Восход солнца» (1927) и др.

Длиннолицый служащий портового управления на вопрос об «Археоптериксе» посмотрел задумчиво и, шаркая, побрел рыться в шкафчиках с документами. Через несколько минут он вернулся с пыльной конторской книгой – в ней, сказал он, содержатся данные обо всех дирижаблях, причаливающих к вольной летающей гавани.

– Крюис Морчард, владелица и капитан, – сообщил он, подслеповато щурясь сквозь пенсне на нечеткую фотографию авиатрисы, прищипленную скрепкой к странице. – А, да-да, помню! Красивая женщина. Скупает предметы олд-тека.

– А какие именно? – спросил Том.

– Судя по таможенным записям, в основном разные магнитные диковинки. Безвредные устройства времен Электрической империи. Правда, она еще закупает аптечные товары, а иногда – скот. Совсем еще девчонкой зарегистрировала у нас дирижабль. Восемнадцать лет назад!

– На следующий год после гибели Лондона. – Том открепил фотографию и повертел в руках.

На давнем снимке была изображена молодая девушка. Кудри темным облаком окружали лицо.

– Это Клития Поттс! – прошептал Том.

– А, сэр?

Служащий был глуховат. Он приставил к уху ладонь, а другой рукой выхватил у Тома фотографию.

– Что вы сказали?

– Я думаю, ее настоящая фамилия – Поттс.

– Да какая бы ни была, сэр! Должно быть, небесные боги ее любят. Мало кто способен продержаться восемнадцать лет в воздушной торговле.

Словно в подтверждение своих слов он повернул конторскую книгу к Тому и Рен. В длинном списке дирижаблей многие названия были зачеркнуты красным, с аккуратными приписками: «пропал без вести», «разбился» или «взорвался у причала».

Портовый служащий полагал, что мисс Морчард купила свой дирижабль в движущемся городе Хельсинки, а когда Том сунул под обложку конторской книги золотой соверен, служащий внезапно вспомнил, что дирижабль был приобретен на верфи Унтанка. Но откуда явилась мисс Морчард, где взяла деньги на покупку дирижабля и чем сейчас занимается – он понятия не имел. К сожалению, старый мистер Унтанк и вся его документация погибли десять лет назад, когда кто-то из его подмастерьев закурил сигару на борту дирижабля системы Косгроув-Клаудберри, где, как оказалось, протекал баллон с газом («Следы пожара до сих пор видны на краю воздушного порта Хельсинки», – сообщил конторщик, явно рассчитывая получить за эту ценную информацию еще один соверен, но не получил).

Когда они вышли из тесной конторы портового управления, Главная улица уже начала оживать. Владельцы мелких лавчонок поднимали ставни и раскладывали на прилавках товары – овощи, фрукты, цветы, сыры и всевозможные ткани в рулонах. Глядя на них, Том вспомнил, как ходил здесь с Анной золотистым вечером двадцать лет назад. Тогда он впервые оказался в Воздушной Гавани. И Эстер шла рядом с ним, прикрывая ладонью лицо от взглядов прохожих...

– О боги! – ахнула Рен, выйдя вслед за ним из портового управления и тыча пальцем в кого-то на причале. – Смотри, кто там стоит!

Не успев еще вынырнуть из воспоминаний, Том на мгновение подумал, что это Эстер прилетела за ними, и ощутил непонятное разочарование, когда увидел стройную авиатрису в розовом кожаном летном комбинезоне.

Рен взволнованно подпрыгивала, выкрикивая:

– Мисс Дубблин! Мисс Дубблин!

Авиатриса, увлеченная разговором с кем-то из своих, удивленно оглянулась и легкими шагами направилась к ним, выяснить, кто это с таким энтузиазмом ее приветствует.

– Это Орла Дубблин, – объяснила Рен отцу. – Она раньше работала в Брайтоне.

Авиатриса подошла, недоуменно хмурясь, но тут же настороженное выражение сменила улыбкой узнавания. Хотя Рен и Орла не были близко знакомы, каждая радовалась, что другая выбралась невредимой из передраги на Облаке-9.

– Рен, правильно? – спросила мисс Дубблин, взяв Рен за обе руки. – Девочка-рабыня из Шатра? Я думала, тебя убили или взяли в плен. Как хорошо, что ты жива-здорова! А этот прекрасный джентльмен, наверное, твой муж?

– Отец, – ответил Том, отчаянно покраснев. – Я ее отец.

– А я-то думала, Рен из тех, Пропавших Девчонок! – изумилась мисс Дубблин. – Бедненькая несчастненькая сиротка из далеких западных морей, ни мамы, ни папы...

– Мамы нет, зато папа есть, – сказала Рен. – Долго рассказывать. Мисс Дубблин, я тоже рада, что вы живы! Думала, вас сбили...

– Ночка была та еще, конечно. – Авиатриса покачала головой, вспоминая, какая драка кипела в небе вокруг Облака-9. – Но чтобы сбить моего «Комбата Вомбата», нужно что-то покруче десятка птичек-Сталкеров и паршивых Лисиц-оборотней! Я заново собрала Летучих Хорьков. Мы работаем на Эдлая Брауна, лорд-мэра Манчестера. Он ведет город к линии раздела, а нас выслал вперед в качестве авангарда.

Рен кивнула. Они обогнали Манчестер неделю назад; огромный закопченный город тяжело катился на юго-восток, оцетинившись кранами, – верхние ярусы прямо на ходу обшивали новенькими блестящими листами противоракетной брони.

– А вы здесь зачем? – спросила Орла Дубблин.

Она вопросительно смотрела на Тома, а Том промолчал. Он думал, уж не ее ли летательные аппараты подрезали «Дженни Ганивер» на подлете к Воздушной Гавани. Вероятно, стоило бы на них пожаловаться, но мисс Дубблин была такая красавица, что у него духу не хватило.

Рен ответила вместо отца:

– Мы ищем папину знакомую, она себя называет Крюис Морчард. Вы ее, наверное, не знаете?

– Та, которая археолог? – Орла Дубблин кивнула. – Я ее видела однажды в Шатре, в Брайтоне. Она покупала у Пеннирояла что-то из олд-тека. Говорили, у них даже был роман... Хотя, если слушать сплетни, так Пеннироял со всеми девушками водил шашни. Даже со мной!

– А я думала, вы с профессором... – Рен запнулась.

– Да ну, только в воображении его жены и на светских страницах «Брайтонского палимпсеста»! – Орла засмеялась. – Я просто чуть-чуть флиртовала со старичком, чтобы он исправно продлевал контракт с Хорьками. Правда, когда я узнала, какой подвиг он совершил той ночью, прямо-таки пожалела, что у нас на самом деле ничего не было. Кто бы подумал, что такой старикан способен перехитрить Сталкера Фанг!

Рен расхохоталась:

– Так вот что люди говорят? Что это *он* сделал?

– А ты разве не слышала? – воскликнула Орла таким тоном, как будто Рен не знала, что Земля круглая или что летные комбинезоны с воротником-стойкой недавно вышли из моды. – У нас на передовой целый сезон только и обсуждали, какой профессор Пеннироял герой. Его из-за этого на все званные обеды приглашали, по всему «Гезельшафту».

– Так он здесь? – ахнул Том.

– Конкретно сейчас – на борту Мурнау, – подтвердила авиатриса. – Слушайте, вам надо у него спросить про вашу знакомую! Эту Крюис Морчард! Наверняка ему все о ней известно. Насколько я его знаю, он сейчас завтракает у «Муна», на втором ярусе Мурнау.

– Ой, пап, да-да-да! – обрадовалась Рен. – Пошли найдем его и спросим!

Том прижал руку к груди – там, где ее пробила пуля Пеннирояла. Он не хотел завтракать с человеком, который его ранил и чуть не убил. С другой стороны, на борту Ком-Омбо Пеннироял вел себя вполне прилично. Вслед за этим воспоминанием пришло и другое: Пеннироял как-то рассказывал Тому о своей знакомой авиатрисе, которая отважилась побывать на развалинах Лондона. Как же ее звали? Не Крюис Морчард?

– Я сама вас к нему отведу! – сказала Орла Дубблин.

На том и порешили. Она повела их к центру Воздушной Гавани, где такси на воздушных шарах дожидались пассажиров, направляющихся вниз, в наземные города.

Пока такси снижалось к Мурнау, Рен болтала без умолку о героических деяниях Летучих Хорьков, чьи крошечные, словно мошки, летающие аппараты отчаянно бросались в атаку на гигантские воздушные истребители над Брайтоном. Том не слышал ни слова. Был слишком занят мыслями о загадке Клитии Поттс. Где порт приписки ее дирижабля? Зачем она скупает олд-тек и лекарственные средства? Да еще и скот?

Ответ пришел ему в голову недавно, когда Том лежал без сна, в который раз вспоминая ту встречу в Перипатетиаполисе. И сейчас, когда он обдумывал то, что узнал в портовом управлении, та же мысль мелькнула вновь. Дикая, неправдоподобная мысль. Том не решался ей поверить. Боялся – вдруг это говорит его собственная ностальгия по Лондону, а не холодный взвешенный анализ фактов. Нужно сперва узнать, что скажет профессор Пеннироял, решил Том. Возможно, Пеннироял вспомнит что-нибудь такое об «Археоптериксе» и его владельце, что подтвердит или опровергнет теорию Тома.

Теперь он с нетерпением ждал встречи со своим убийцей.

Глава 9

Завтрак у «Муна»

Воздушный шар-такси приземлился на площадку возле бронированной дверцы в наружном корпусе Мурнау. Здесь их встретили стражники и множество вопросов. Стражники были вежливые, но не спешили пропускать на Второй ярус подозрительных личностей вроде Тома и Рен даже после того, как Орла Дубблин за них поручилась и предъявила именную саблю – награду за то, что сбила три истребителя Зеленой Грозы в битве над Бенгальским заливом.

Наконец она вышла из себя и рявкнула:

– Они давние друзья профессора Нимрода Пеннирояля!

Этого оказалось достаточно. Стражники из просто вежливых стали прямо-таки приветливыми. Один позвонил командиру, и через минуту Том, Рен и мисс Дубблин уже входили в лифт, направляющийся на верхние ярусы.

Во время перемирия в Мурнау завели обычай днем открывать амбразуры в броне, впуская солнечный свет. И даже так на Втором ярусе было полутемно. Тому и Рен то и дело попадались пустыри в тех местах, где целые улицы были разрушены ракетами и пилотируемыми бомбами. В уцелевших домах оконные стекла были заклеены крест-накрест полосками бумаги – это делало их похожими на изображения пьяниц в комиксах. Стены были сплошь покрыты плакатами и сделанными по трафарету надписями, и даже без знания новонемецкого нетрудно было понять, что все они призывают молодежь вступать в ряды Абвертруппе⁹ – вооруженных сил Мурнау. Судя по всему, большинство молодых людей откликнулись на этот призыв: они были одеты в красивые темно-синие мундиры. А те немногие, кто в штатском, были без руки, или без ноги, или без половины лица, или в кресле на колесиках, и у всех медали, доказывающие, что они свой долг борьбе с Грозой отдали как полагается. Много было и девушек в военной форме, хоть и не такой роскошной, как у мужчин.

Орла Дубблин сказала:

– Женщинам в Мурнау не разрешают воевать, бедненьким. Они работают на фабриках и в районе двигателей, а к орудиям допускаются только мужчины.

Они пересекли площадь под названием Вальтер-Мёрс-Плац¹⁰ и подошли к высокому, узкому зданию кафе «У Муна». Амбразура с открытым щитком на соседней улице впускала яркий солнечный свет, но он уже не мог оживить сухую бурю траву и деревья в скверике посередине площади, зачахшие за долгие годы в тени. Между голыми ветками Рен разглядела фонтаны без воды и ржавеющую без дела сцену для оркестра. Она еще ни разу не видела такого печального города.

Но как только Рен вслед за Орлой перешагнула порог «У Муна», словно попала в совсем другой город. Обшарпанная разнокалиберная мебель смотрелась произведением искусства, а на стенах висели картины, гравюры и фотографии веселящихся людей. Обстановка в кафе напоминала Брайтон, причем сходство было неслучайным. В Мурнау выросло целое поколение молодых людей, не знавших в жизни ничего, кроме войны и долга. Они слышали, что в других городах жители наслаждаются свободой, и хотели сами тоже ее испытать. За этим они приходили к «Муну» – художники, поэты, писатели и те из Абвертруппе, кто мечтал стать художником, поэтом или писателем. Они изо всех сил старались быть романтичными и богемными.

Конечно, получалось не очень. Слишком деревянными выглядели их позы, когда они небрежно раскидывались в потертых кожаных креслах. Слишком хорошо отглажена была меш-

⁹ Abwehrtruppe (нем.) – оборонительные войска.

¹⁰ Вальтер Мёрс (Моэрс, Морз; р. 1957) – немецкий писатель, автор комиксов и художник-иллюстратор. Автор книг «13½ жизней капитана по имени Синий Медведь» (1999), «Город мечтающих книг» (2004) и др.

коватая одежда, а художественно нестриженные волосы – всегда аккуратно причесаны. И они откровенно побаивались тех немногих настоящих художников, что здесь появлялись, – таких, как живописец Шкода Гайст. Поэтому Нимрода Пеннирояла они встретили с восторгом. Этот человек разбогател на крайне романтических приключениях и книжках, которые написал об этом, да еще какое-то время был мэром Брайтона – самого высокохудожественного города на свете. Но в отличие от Гайста он не насмехался над ними, не высмеивал их картины и стихи – напротив, охотно хвалил их произведения, позволяя платить за еду и выпивку.

Том и Рен застали его посреди чудовищных размеров завтрака. В буквальном смысле «посреди» – профессор сидел на диване, и его со всех сторон окружали столики, нагруженные булочками, ветчиной, фруктами, круассанами, вафлями из водорослей, гренками, кеджери¹¹, омлетами, джемом и сыром. Над серебряным кофейником клубился пар, озаренный лучами солнца из заклеенных крест-накрест окон, а на других диванах и даже, наплевав на условности, прямо на полу расположилась художественная молодежь Мурнау и слушала, как профессор рассказывает о книге, над которой сейчас работает.

– ...Я как раз дошел до своего столкновения со Сталкером Фанг, – сообщил он, жуя моховой хлеб. – Довольно тяжелая сцена, признаюсь. Я ведь не скрываю, что испугался тогда. Я трепетал от страха, буквально трепетал! Понимаете, я не собирался с ней сражаться. У меня и в мыслях нет строить из себя героя. Нет, я наткнулся на нее случайно, когда метался по саду, ища спасения от Зеленой Грозы...

Слушатели вовсю кивали. Некоторые из них служили в бортовых фортах Мурнау и встречались со Сталкерами лицом к лицу, и практически все помнили жестокие бои четырнадцатого года, когда дирижабли Зеленой Грозы высадили десант Воскрешенных на верхние ярусы Мурнау. Всем хотелось послушать, как доблестный пожилой джентльмен сумел одолеть самую грозную из всех Сталкеров.

Но Пеннироял – редчайший случай – не находил слов. Челюсть у него отвисла, он отложил вилку, и слушатели один за другим начали оборачиваться, глядя на неожиданных гостей в дверях.

– Профессор, к вам старые друзья! – С этими словами Орла Дубблин нашла себе местечко и уселась.

– Том! – воскликнул Пеннироял, вставая. – И Рен! Милое дитя!

Профессор шагнул им навстречу, раскрыв объятия. Он удивился, когда они появились так внезапно, но был искренне рад их видеть. Он чувствовал себя виноватым за то, что стрелял в Тома в Анкоридже, но полагал, что искупил тот неудачный инцидент, когда спас Рен от Пропадаших Мальчишек, помог ей добраться до Ком-Омбо и потом великодушно позволил отцу и дочери оставить себе его дирижабль, «Арктическую качку». А после того как кошмарная жена Тома исчезла со сцены, Пеннироял от всей души готов был считать обоих Нэтсуорти своими друзьями.

– Дорогие мои! – Сияя, он по очереди заключил их в объятия. – Как я рад вас видеть! Я тут как раз рассказывал своим друзьям о наших приключениях на Облаке-девять. Об этом будет моя следующая книга. Весьма почтенное издательство на Мурнау, «Вердероб и Спур», выплатило весьма немаленький аванс за повесть о моем скромном участии в падении Сталкера Фанг и возвышении этого миролюбивого джентльмена, генерала Наги. Конечно, вы оба тоже действующие лица моей книги! В конце концов, разве не ты, Рен, моя верная бывшая рабыня,

¹¹ *Кеджери* – блюдо британской кухни из вареной нарезанной рыбы (традиционно – копченой пикши), отварного риса, петрушки, яиц вкрутую, карри, масла, сливок и изюма; рецепты в зависимости от местности могут различаться. Может подаваться как горячим, так и холодным; вместо пикши может использоваться и другая рыба, в том числе лосось или тунец. Считается, что кеджери происходит от индийского блюда кичари, появившегося приблизительно в первой половине XIV в., и было завезено в Великобританию в середине XIX в.

прилетела на «Арктической качке» на Облако-девять и спасла меня, когда уже не оставалось надежды?

– Разве? – спросила Рен. – Я по-другому помню...

– Она воплощенная скромность! – вскричал Пеннироял, оглядываясь на своих юных друзей, и тут же зашептал, обращаясь к Рен: – Мне пришлось кое-где чуть-чуть подправить факты для большей занимательности.

Рен переглянулась с отцом, и они оба пожали плечами. Как, наверное, утомительно быть Пеннироялом – постоянно создавать собственное прошлое, без конца подправляя свои рассказы, чтобы они не противоречили друг другу. Он же небось живет в постоянном страхе, что в один прекрасный день шаткое здание рухнет.

Хотя, может быть, Пеннироял считает, что это стоит получаемой выгоды. Вид у него, условно, был преуспевающий. Наряд собственного изобретения придавал ему облик солидный и военизированный, при этом не будучи официальной военной формой: короткая небесно-голубая куртка-доломан и красный жилет (и то и другое щедро украшено шнурами и явно излишними пуговицами), лиловый кушак, фиолетовые бриджи с золотым шитьем и широкой ярко-алой полосой, сапоги с отворотами и золотыми кисточками. По сравнению с тем, что Рен видела в Брайтоне, этот костюм Пеннирояла казался образцом сдержанности и хорошего вкуса.

Профессор подвинулся, освобождая для Рен и Тома место на диване, и предложил им угощаться, а сам тем временем начал представлять своих друзей. Рен не привыкла знакомиться с таким количеством новых людей сразу. Она уловила, что человек в очках и штатской одежде, Сэмпфорд Спайни, работает в журнале под названием «Зерцало» специальным корреспондентом в Мурнау, пишет статью о Пеннирояле, а тихая девушка, тоже в очках, сжимающая в руках громадный фотоаппарат, – его фотограф, мисс Кропоткин. Остальные имена, лица и звания слились в одно размытое пятно. Единственный, кем Рен заинтересовалась всерьез, – высокий поджарый молодой человек, стоявший в одиночестве у печки, – оказался Пеннироялу незнаком, а жаль. Он был не так хорош собой, как большинство офицеров, и старая синяя шинель его была сильно поношена и испачкана в дороге, но что-то в нем так и притягивало взгляд. Рен то и дело посматривала на его насмешливое, настороженное лицо.

Пеннироял налил гостям кофе. Пошел светский разговор о перемирии, о погоде и о том, какой отменный аванс Пеннироял получил от издательства.

Затем профессор спросил Тома:

– Как поживает славная старушка «Арктическая качка»? И что привело вас с нею сюда?

– Она теперь снова зовется «Дженни Ганивер», – ответил Том. – А привели нас сюда поиски. Мы ищем одну даму.

– Вот как? – Пеннироял задумчиво прищурился, он считал себя большим специалистом по части прекрасного пола. – Я ее знаю?

– Я думаю, да, – сказал Том. – Ее имя – Крюис Морчард.

– Крюис! – воскликнул Пеннироял. – Клянусь Поскиттом, я ее прекрасно знаю! Всемогущие боги, лет двадцать уже, как мы знакомы!

Журналист Спайни тут же застрочил огрызком карандаша в блокноте.

– Она пару раз навещала меня на Облаке-девять, – продолжал Пеннироял. – До сих пор летает на своем «Археоптериксе» и сама все такая же загадка...

– Почему загадка, сэр? – спросил кто-то из слушателей.

– Да потому, что никто не знает, откуда она взялась, – ответил Пеннироял. – Рассказать, что мне о ней известно? Это необыкновенная история...

– Ах, профессор, пожалуйста, расскажите! – закричала Рен. – Только, если можно, правду, не надо подправлять факты ради увлекательности...

– Ах, пожалуйста! – подхватила половина гостей, а остальные отозвались: «Битте!»¹² – когда англичанскоговорящие друзья объяснили им, в чем дело.

– Хорошо, – согласился Пеннироял, но Рен видела, что просьба несколько выбила его из колеи.

– Возможно, точнее было бы сказать, что это *не совсем обыкновенная* история. Случалось мне слышать и более удивительные вещи. Но Крюис Морчард все же занимает прочное место у меня в памяти благодаря ее необычайному личному обаянию, а также обстоятельствам нашего знакомства.

– Это случилось в Хельсинки, лет девятнадцать назад, – сказал Пеннироял. – Город охотился на полустационарные поселки в окрестностях Алтай-Шаня. Я был в Брюхе, в гостях у Нутеллы Айсберг, очаровательной смотрительницы с пищеварительной верфи, когда на борт поднялась мисс Морчард с парочкой спутников – на вид совершеннейшие головорезы, но оба трогательно ей преданы. Они явились пешком прямо из тундры (городские челюсти как раз были открыты на техобслуживание) и обратились к старшине Брюха с просьбой об убежище... Шум поднялся, доложу я вам! Дело было спустя год после того, как Лондон взлетел на воздух. Зеленая Гроза уже начала зверствовать, и обстановка в городах восточной части Охотничьих Угодий была нервная. Скорее всего, жители Хельсинки вышибли бы мисс Морчард и ее друзей снова на Поверхность, опасаясь: вдруг они шпионы или диверсанты, но, к счастью, я как раз проходил мимо, и я за нее поручился. Понимаете, меня растрогала ее красота. И молодость, конечно. Она тогда была ненамного старше Рен.

Все обернулись и уставились на Рен, а она покраснела.

– Я привел мисс Морчард на верхний ярус, – продолжил свой рассказ Пеннироял, – и даже предложил ей погостить в моих апартаментах в отеле «Уусимаа»¹³, если для ее волосатых друзей найдется жилье. Но она сказала: «Сэр, я не нуждаюсь в благотворительности. У меня много денег, и я пришла в этот город затем, чтобы купить дирижабль. Если хотите мне помочь, познакомьте меня с честным торговцем, который продает подержанные дирижабли». Ну и я ее отвел к старине Унтанку. И знаете, у нее на самом деле были деньги! В потайном поясе на ее стройной талии были спрятаны десятки золотых монет, и у обоих спутников имелся такой же точно груз. Я разглядел монеты, пока она торговалась с Унтанком, и сразу их узнал: золото из Лондона, с изображением Квирка, почитаемого у них божества!.. Можете себе представить мое изумление! Лондон давно исчез с лица земли. Разве я не видел собственными глазами тот чудовищный взрыв? «Дорогая, откуда у вас все эти Квирки?» – спросил я, и мисс Морчард после секундного колебания призналась, что она археолог и проводила раскопки в развалинах Лондона!

Среди слушателей пробежал взволнованный шепоток. Молодые люди тихо переговаривались по-новонемецки (красивый язык с угловатыми словами). Том заинтересованно подался вперед.

Девушка в платье, украшенном сотнями голубых глаз, воскликнула:

– Герр профессор, в лондонских развалинах обитают призраки!

– В самом деле, – ответил Пеннироял. – В первые месяцы после катастрофы с десятков мелких пригородов-кладоискателей помчались на восток, чтобы попить на искореженных останках Лондона. Ни один не вернулся.

– Потому что их по дороге перехватили воздушные войска старой Лиги противников движения и разбомбили вдребезги, – отчетливо проговорил чуть насмешливый голос.

¹² *Bitte* (нем.) – пожалуйста.

¹³ *Уусимаа* (фин. Uusimaa) – область в Южной Финляндии.

Молодой человек, на которого еще раньше обратила внимание Рен, подошел вплотную к кружку друзей Пеннирояла и внимательно слушал, сунув руки в карманы. Его глаза поблескивали, а губы кривились в почти издевательской усмешке.

– Так нам сообщили, сэр, – подтвердил Пеннироял, глядя на него исподлобья. – Но ведь всем известны и другие, более зловещие слухи!

Жители Мурнау закивали. Похоже, они и вправду что-то такое слышали.

– Крюис Морчард обладала научным, рациональным складом ума, как и наш дорогой друг, – продолжал Пеннироял. – Она не обращала внимания на слухи о призраках. Но в Лондоне она насмотрелась такого, что волосы у нее поседел! Едва ее исследовательская группа приземлилась среди развалин, из груды обломков ударила таинственная молния и уничтожила их дирижабль! За первой молнией последовали другие, они били в землю вокруг археологов, словно их притягивал жар горящего дирижабля – или, быть может, живое тепло мисс Морчард и ее спутников! Один участник экспедиции сгорел дотла. Другой в страхе бросился бежать, но развалины вокруг словно бы искажались и смещались, и никак не удавалось выбраться из лабиринта обломков. Они пробивались на Поверхность целую неделю, и за это время более десятка человек погибло. Не только от молнии! Было и... другое. Такое, что даже отважная мисс Морчард бледнела, рассказывая об этом. При встрече с ним люди сходили с ума, бросались с высоты развалин, лишь бы не сталкиваться близко.

– При встрече с чем? – вся в нетерпении, спросила барышня в глазастом платье.

– С призраками! – страшным шепотом ответил Пеннироял. – Фройляйн Хинблик, вы, конечно, скажете, что их не бывает, что из Страны, не ведающей солнца, не возвращаются. Но мисс Морчард клялась, что видела привидения на разрушенных лондонских улицах. А поскольку мисс Морчард – единственная, кто ходил по этим улицам и остался в живых, чтобы рассказать нам об этом, я думаю, мы должны верить ее рассказу.

Наступила тишина. В комнате словно холодом повеяло. Фройляйн Хинблик жалась поближе к своим приятелям, а какой-то молодой человек с орденскими планками и деревянной рукой негромко проговорил:

– Там в самом деле водятся духи. Когда я летал в составе Абвертруппе, я видел их издали. По ночам там вспыхивают и мерцают призрачные огни. Даже Зеленая Гроза их боится. Они понастроили поселения, крепости, фермы и ветряки по всей восточной территории прежних Охотничьих Угодий, а вокруг развалин Лондона на сотню миль – ничего.

Том решил, что пришло время проверить теорию, которую он обдумывал уже несколько дней. Его слегка потряхивало.

Он сказал:

– Я думаю, мисс Морчард сказала вам не всю правду. Видите ли, я уверен, что она сама – из Лондона. Я знал ее, когда она звалась Клитией Поттс и состояла в Гильдии историков. Каким-то образом она уцелела после МЕДУЗЫ. Возможно, она придумала историю о молниях и призраках, чтобы отпугнуть кладоискателей? Может быть, есть и еще уцелевшие, а мисс Морчард на своем «Археоптериксе» возит им припасы в развалины?

Рен видела по лицам, что молодые жители Мурнау не поверили Тому, хоть и промолчали из вежливости. Только молодой человек в потрепанной шинели смотрел с интересом.

– Лекарства, скот, – продолжал Том с надеждой. – Портовый чиновник в Воздушной Гавани сказал, что это ее обычный груз...

Пеннироял покачал головой:

– Красивая идея, Том, но не слишком правдоподобная, вам не кажется? Если бы кто-то и выжил в той ужасной катастрофе, зачем им жить среди обломков, на сотни миль в тылу Зеленой Грозы?

Рен стало стыдно за отца. Опробовал бы на ней свои безумные теории, прежде чем оглашать их во всеуслышание! Бедный папа, он до сих пор тоскует по родному городу, оттого и позволил разыграться воображению.

Постепенно гости разбились на группки. Том что-то увлеченно обсуждал с Пеннироялом. Фройляйн Хинблик пересказывала то, о чем сейчас говорилось, друзьям, не знающим англичанского. Кое-кто из них с сомнением поглядывал на Тома, слышался смех. Рен искала глазами Орлу Дубблिन и вдруг увидела совсем рядом с собой незнакомца в потрепанной шинели.

Он сказал:

– У вашего отца почти такое же буйное воображение, как у профессора Пеннирояла.

– Папа – сам лондонец! – ответила Рен. – Естественно, ему интересно, что стало с Лондоном.

Судя по всему, ее объяснение незнакомца удовлетворило. Он был хорош собой – лучше, чем ей показалось вначале, и моложе – совсем мальчишка, лет восемнадцати-девятнадцати. Чистая бледная кожа, чуть заметная щетина на подбородке и над верхней губой. Только льдисто-голубые глаза смотрели взрослее, словно принадлежали другому человеку.

Переведя взгляд на Тома, он сказал:

– Я хотел бы с ним поговорить, но не здесь.

Задумался на минуту, потом сунул руку за отворот шинели, вытащил прямоугольник плотного кремового картона и протянул Рен. На карточке курсивом с завитушками был напечатан адрес на Оберранге – верхнем ярусе Мурнау.

– Завтра отец устраивает прием. Приходите оба! Там мы сможем спокойно поговорить.

Он внимательно смотрел ей в лицо. Рен опустила глаза, разглядывая приглашение, а когда снова подняла взгляд, молодой человек уже шел прочь – только взметнулись полы синей шинели, когда он начал спускаться по лестнице, блеснули золотом волосы в свете лампы, и он исчез.

Рен обернулась к отцу, но Том разговаривал с журналистом Спайни, стараясь не выдать слишком много правды. Спайни дотошно расспрашивал, как они познакомились с Пеннироялом.

Рен подошла к Орле.

– Кто это был? – спросила она. – Тот, который перебил профессора?

– А, этот? – Авиатриса быстро оглянулась и, увидев, что молодой человек ушел, сказала: – Это Вольф Кобольд, сын кригсмаршала фон Кобольда, старого вояки, его в самом начале войны сделали мэром Мурнау. Смотри, они вместе на том фото над камином... Вольф – отчаянный в бою. И красавец, правда?

Рен тоже так считала, но постеснялась признаться. Стараясь не краснеть, она пошла за авиатрисой к камину, чтобы рассмотреть фотографию вблизи. Кригсмаршал – суровый джентльмен с такими огромными белоснежными усами, словно к нему на верхнюю губу уселся альбатрос. А рядом – тот самый молодой человек, с кем только что разговаривала Рен, только еще моложе на вид. Снимок, должно быть, сделан лет пять-шесть назад, на нем Вольф похож на школьника-ангелочка. Что же с ним случилось за эти годы, отчего он стал таким мрачным?

– Он тоже станет кригсмаршалом, когда старик умрет или уйдет в отставку, – сказала Орла. – А пока он мэр одного из пригородов Мурнау. Заходит к «Муну» иногда, когда бывает в Мурнау по семейным делам, а вообще-то, он одиночка. Я с ним никогда не разговаривала.

Рен показала ей приглашение. Орла тихонько присвистнула:

– Рен, лапочка моя, растешь на глазах! Часу не успела пробыть в Мурнау, а тебя уже пригласили на прием к кригсмаршалу...

Глава 10

Черный ангел

Эй, что это там такое? На песчаных волнах, где мерцающий в жаркой дымке горизонт кажется водой, а не сушей, мелькнула далекая точка. Крошечное пятнышко, темный треугольник чуть выше серебристого миража, что растекся над барханами. Но с каждой секундой пятнышко приближается, становится четче. Острый акулий плавник, черный парус, наполненный ветром пустыни. Прислушайся – и ты услышишь, как песок поет под мчащимися на дикой скорости шинами. Всмотрись – увидишь, как солнечные блики сверкают в иллюминаторах ярче бриллиантов.

Представь себе водомерку, только увеличенную до размеров яхты. Приделай к каждой ноге колесо, а на спине укрепи мачту. Потом отправь эту конструкцию кататься по песку вместо воды. Получится пескоход – излюбленное средство передвижения пустынных кладоискателей и охотников за головами. Вот он промчался мимо, и если посмотреть ему вслед – мы поймем, что привело его в этот минеральный океан. Прямо по курсу собралась толпа городов. Их верхние ярусы и выхлопные трубы проглядывают сквозь марево отраженной жары, мерцающее над барханами.

Нечасто можно увидеть подобие ярмарки в безводной пустыне, где города нещадно истребляют друг друга. Большой тихоходный пригород, обычно охотящийся на рыбацьи деревушки далеко на побережье, по ошибке забрел в песчаное море, и здесь его окружила стая скоростных хищников. Охотники передвигаются на громадных колесах, у них громадные челюсти, громадные двигатели и аппетиты под стать. Они загнали добычу в песчаную яму под названием Асфальтовый залив, в кольце изрешеченных шахтами гор, и рвут ее на части. День или два, пока они заняты перевариванием и не обращают внимания друг на друга, держится неустойчивое перемирие. Невесть откуда появляются дирижабли странствующих торговцев, перекупщики шастают с одного города на другой, стараясь сбыть или урвать предметы олд-тека и разные безделушки. Даже быстрые, осторожные города-кладоискатели подбираются поближе, распродавая найденные в песках обломки.

Черные паруса безымянного пескохода трепещут на ветру, словно лепестки опиумного мака. Пилот разворачивает его носом к ветру и, замедляя ход, описывает плавную кривую, направляясь к стайке других пескоходов, что прибились к скоплению городов.

Городишко под названием Катлерс-Галп пристроился на склоне огромного бархана в полумиле от пиршества, оставив двигатели на холостом ходу, в полной готовности сорваться с места, если кто-нибудь из хищников выразит желание слопать его на десерт. Город был длинный и приземистый; над единственной палубой возвышались широкие колеса для передвижения по пустыне. Большую часть места в городе занимали двигатели и обслуживающие их трубы. Жители ютились в оставшемся пространстве – натягивали навесы между трубами, а на немногих свободных участках строили хибарки из глины и папье-маше. Из гаражей в Брюхе то и дело выезжали пескоходы. Торговый дирижабль броской расцветки, в черно-белую полоску, под названием «Леденец», пролетел, жужжа, над барханами и приземлился в порту – свободном пятачке в передней части города, где недавно рухнули два глинобитных домика.

Хозяином «Леденца» был торговец по имени Напстер Варли. На гондолах двигателей была выведена надпись: «Варли и сын», – хотя Напстеру-младшему было всего три месяца и потому он пока не принимал активного участия в руководстве семейным бизнесом. Варли надеялся, что жена и ребенок придадут ему респектабельности, позволят сбежать от пустынных торговых городишек-жестянок и обосноваться в большом городе. Но пока он от них ничего

не получил, кроме шума, беспокойства и расходов, и не будь жена необходима в качестве второго пилота, он бы давно выкинул за борт и ее, и младенца.

Солнце склонялось к западу и по песку протянулись длинные тени. Варли шел по неровной палубе Галпа рядом с хозяйкой городка, Бабулей Башли.

Из них получилась странная парочка. Напстер Варли – тощий, бледный молодой человек с шелушащимся, обгоревшим на солнце вздернутым носом. Он запоем читал книги о бизнесе и в одной из них («Как стать успешным воздушным торговцем», автор – Дорнье Лард) вычитал, что «одежда преуспевающего бизнесмена должна бросаться в глаза, чтобы надолго запоминаться клиентам». Поэтому, несмотря на жару, на нем были фиолетовый фрак, меховая шляпа-цилиндр и мешковатые желтые панталоны в ярко-алую клетку.

Бабуля Башли между тем была укутана в множество слоев ржавого цвета шалей, накидок, юбок и халатов, словно шатер кочевников снялся с места и пошел бродить по пустыне. Но если приглядеться, в промежутке между мощными плечами и широкополой шляпой можно было разглядеть сквозь густую противомосkitную вуаль жирное желтоватое лицо и крошечные расчетливые глазки. Чуть поблескивая, эти глазки пристально изучали мистера Варли.

– Есть кой-что на продажу, – доверительно сообщила она. – В пустыне нашла – неделя-другая тому. Ценное.

– В самом деле? – Варли промокнул вспотевшую шею носовым платком и махнул им, отгоняя мух. – Не олд-тек? С тех пор как объявили перемирие, цены на олд-тек упали страшно...

– Не олд-тек, лучше. Моховицкий дирижабель, разбитый. Мои мальчики увидели в небе огни. Мой город первым поспел на место. Не много там осталось, не много... Стойки, мотора куски... И еще одна штука, ценная очень.

Бабуля Башли повела торговца вверх по железной лесенке и дальше – в башню, сложенную из необожженных кирпичей. Башни эти, словно термитники, высились там и тут среди путаницы труб на корме города. Внутри оказалась еще лестница. Бабуля Башли поднималась по ней, сипя и пытая. Подолы ее многочисленных юбок были расшиты магическими талисманами: человеческая челюсть, обезьянья лапка, несколько засаленных кожаных мешочков – одни боги ведают с чем. Поговаривали, что Бабуля колдует и тем держит людей в подчинении. Даже Варли стало не по себе, и он на ходу потрогал висящую на шее под узорчатым галстуком бляху бога торговли.

Наконец они добрались до комнаты на самом верху. Здесь было жарко, в воздухе висел чад и, как и во всей башне, пахло подгорелым жиром. На полу посреди комнаты кто-то лежал, прикованный за ногу к кольцу в железном полу. Мальчик, подумал Варли, но тут пленник поднял голову, посмотрел на него сквозь спутанные волосы, и стало ясно, что это девушка – одетая в лохмотья, с синяками на горле и ободранными в кровь щиколотками там, где натирали кандалы.

– Извините, Бабуля, – быстро проговорил Варли. – Я не покупаю рабов.

У него не было принципиальных возражений против работорговли, но великий Набиско Шкин в своей книге «Капиталовложения в людей» советовал приобретать только здоровых особей. А эта курочка еле жива, в чем только душа держится.

– Она не простая рабыня, – просипела Бабуля Башли.

Переваливаясь, подошла к пленнице, схватила ее за волосы и повернула лицо к Варли:

– Как думаешь, кто она?

Варли вынул из нагрудного кармашка монокль и уставился в тусклые миндалевидные глаза. Кожа под грязью, ссадинами и солнечными ожогами была когда-то нежного сливочного цвета.

Варли пожал плечами. Эта игра начала его утомлять.

– Не знаю, Бабуля. Какая-нибудь полукровка с востока. Шань-Го? Айны? Эскимосы?

- Альяты! – прокаркала Бабуля Башли.
- Будьте здоровы, Бабуля!
- Альятская она, из Альятии.

Бабуля Башли выпустила волосы девушки – та вновь бессильно уронила голову. Бабуля проковыляла к Напстеру, с хрипом дыша за своей вуалью.

- Знаешь, кто она, торговец? Жена того моховицкого генерала! Царица Зеленой Грозы!

Варли промолчал, но невольно выпрямился, вынул руки из карманов и облизнул губы. Монокль его блеснул в полутьме. Ходили слухи, что дирижабль леди Наги разбился где-то в песках. Неужели это она? Вполне возможно. Варли видел ее фотографию в «Аэронавт-Газетт». Похожа, нет? На снимке она была в роскошном свадебном наряде, да и вообще для Напстера Варли все эти восточники были на одно лицо.

– Вот, нашла при ней. – Бабуля Башли извлекла из глубин своего многослойного одеяния золотое кольцо с узором из дубовых листьев. – И крестик на шее глянь: загванская работа.

Варли подошел к пленнице, прикрывая нос шелковым платком.

- Вы – леди Нага? – спросил он громко и отдельно.

Она слабо кивнула, глядя ему в глаза, и еле выговорила:

- Что с Тео?

– Это она про мальчишку из Загвы, вместе с ней был на дирижабле, – пояснила Бабуля Башли. – Мы его в машинное сунули. Сдох уже, наверное. Так я спрашиваю, торговец, что делать-то с ней? Я не могу и дальше держать ее тут в шикарных условиях. Как обычную рабыню ее не продашь, слабая слишком, но кому-то же она может пригодиться? Все-таки царица моховиков...

- О да, – задумчиво отозвался Напстер.

– Я тут подумала: может, шкуру с нее снять? – подала идею Бабуля Башли. – За шкурку хорошие денежки дадут, а? Можно коврик хорошенький сделать или подушки обтянуть...

- Ох, нет, Бабуля! – вскричал Напстер. – Самое ценное в ней – это мозги!

- Пресс-папье, что ли, сделать хотите? Или еще что?

Напстер наклонился к Бабуле ближе, насколько позволяла брезгливость, и постучал себя пальцем по виску:

– Ценно то, что она знает! Я могу отвезти ее в Воздушную Гавань и предложить «Тракционштадтсгезельшафт». Они хорошо заплатят.

- То есть целиком ее покупаете, как есть? Сколько дадите?

– Ну конечно, придется учесть транспортные расходы... И другие сопутствующие траты... К сожалению, из-за перемирия цены на рынке сильно упали, но если подумать...

- Сколько?

- Десять долларов золотом, – объявил торговец.

- Двадцать.

- Пятнадцать.

Бабуля Башли проговорила, словно думая вслух:

– Можно, конечно, наделать талисманов из ее пальчиков на руках да на ногах и распродать поодиночке...

– Пусть будет двадцать, – поспешно сказал Напстер и тут же отсчитал монеты, пока Бабуля не задрала цену еще выше.

Черный пескоход нашел себе свободный причал в одном из гаражей на окраине Катлерс-Галпа. Пилот в просторном одеянии с капюшоном убрал паруса и спрыгнул на палубу, закрепить причальный конец. Судя по всему, это был всего лишь слуга или матрос, – закончив работу, он застыл столбом, терпеливо дожидаясь, пока с корабля не сошла женщина. Тогда они вдвоем поднялись по лестнице и зашагали по железным мостикам, соединяющим между собой

топки машинного отделения. Новоприбывшие направлялись к скоплению кафе и закусочных на корме городка. Нищие протягивали к ним чашки для подаяний, но, заглянув в лица, мгновенно оставляли свои попытки. Головорезы пустыни подступались к ним со смутным намерением побить и ограбить, но тут же отступали в тень под сплетением труб. Даже собаки разбежались с дороги.

Женщина, высокая и худая, несла на плече здоровенное ружье. Одета она была во все черное – черные сапоги, черные штаны, черная жилетка и длинное черное пальто-пыльник, хлопающее на ветру, словно черные крылья. Казалось бы, в городе, где все ходили в масках или под вуальями, ей бы как раз подошла и черная вуаль, но она предпочитала ничем не прикрывать лицо. Седые волосы были стянуты в хвост на затылке, будто специально, чтобы выставить напоказ ее уродство. Ужасный шрам пересекал ее лицо от лба до подбородка, словно кто-то в ярости перечеркнул портрет. Рот кривился в вечной усмешке, от носа остался бесформенный обрубок, а единственный глаз был серый и холодный, как зимнее море.

Звали ее Эстер Шоу, и она убивала людей.

Она появилась в пустыне полгода назад. Ее спутник, Сталкер по имени мистер Шрайк, на руках принес ее в Эль-Хоул – один из мелких городков, подьедавших обломки Облака-9. Она была больна, и Шрайк потребовал, чтобы горожане о ней позаботились. Спорить со Сталкером никому не хотелось, поэтому к ней пригласили врача. Осмотрев Эстер, он объявил, что она в целом здорова, если не считать нескольких порезов и своеобразной меланхолии, – такую он прежде наблюдал у выживших при крупных катастрофах и стихийных бедствиях.

– Мистер Шрайк, она потеряла близкого человека? – спросил врач.

– ОНА ПОТЕРЯЛА ВСЕ, – ответил Сталкер.

Неделю или две она прожила в занавешенной куском мешковины нише на нижней палубе – здесь это сходило за жилье. Сталкер ухаживал за ней, кормил молоком и хлебом, разминая их в кашницу металлическими руками, а люди вокруг смотрели, перешептывались и гадали, что же за отношения связывают эту изуродованную женщину с Воскрешенным.

Потом к Шрайку пришел мастер-механик городка и сказал:

– Сталкер, убей для меня одного человека. Шейх, который правит нашим городом, стар и жирен. Он слишком много забирает себе добычи. Убей его – и будешь жить со всеми удобствами на верхнем ярусе, я тебе обеспечу лучшую еду и пуховую постель для твоей... э-э...

Он все еще искал подходящее слово, чтобы обозначить Эстер, когда Шрайк проговорил:

– Я НЕ БУДУ УБИВАТЬ.

– Но ты же Сталкер! Что тебе и делать, как не убивать?

– Я НЕ МОГУ. У МЕНЯ... ПОВРЕЖДЕН МОЗГ.

Мастер-механик нахмурился и подумал, не выбросить ли бесполезного Сталкера за борт, но не смог представить, как это осуществить.

Он покачал головой и собрался уже уйти, но тут женщина со шрамом сказала негромко:

– Я убью его для вас.

– Вы?

– Я – Эстер Шоу. Моим отцом был Таддеус Валентайн, знаменитый убийца и секретный агент. Хотите, чтобы ваш шейх умер? Дайте мне оружие и скажите, где он.

– Вы же всего-навсего женщина! – возразил мастер-механик.

Тогда Эстер Шоу нашла где-то вилы и ломик и поднялась по множеству лестниц на верхний ярус Эль-Хоула. Пинком распахнула дверь дома, где жил шейх. Она убила шейха. Убила его охрану. Убила его собак. Она прошла по наполненным ароматическим дымом комнатам, как чума, не оставляя позади ничего живого. Она была больше похожа на Сталкера, чем ее Сталкер, – он только наблюдал, дожидаясь ее.

На полученные от мастера-механика деньги она купила пескоход и несколько ружей. Они со Сталкером ушли из Эль-Хоула навсегда, к большому облегчению горожан. С тех пор Эстер

стала очередной легендой пустыни: охотница за головами и ее спутник, Сталкер, не желающий убивать. Даже Тео Нгони слышал сильно искаженный вариант этой истории, трудясь в машинном отделении Катлерс-Галпа, но рассказчик то и дело сбивался на арабийский, Сталкера называл джинном, а Эстер Шоу – Черным Ангелом. Поэтому Тео страшно удивился, когда, случайно посмотрев вверх, увидел, как эти двое шагают по мостику у него над головой.

Он не сразу и сообразил, где видел их раньше. Казалось, Облако-9 случилось давным-давно. Даже крушение «Нзиму» словно бы произошло в далеком прошлом. Тео смутно помнил, как вытащил через пролом леди Нагу из полыхающей каюты и как они цеплялись за фермы стабилизатора все время, пока горящий дирижабль медленно падал, но все это как будто случилось с кем-то другим, не с Тео, или будто он прочел об этом в книге.

С тех пор он вкалывал по восемнадцать часов подряд, его били, стегали кнутом, почти не давали воды, а еды – еще меньше. Ему мерещились кошмары, даже когда он не спал, и в первый миг он подумал – ему снится, что мама Рен идет вверх по мостику в лучах ослепительного солнца. Он помотал головой, стер пот, заливающий глаза, а она по-прежнему была там, и рядом с ней – кошмарный Сталкер.

– Миссис Нэтсуорти! – заорал Тео.

Он выпустил рукоятки тачки с углем, и тут же на него накинудись Бабулины надсмотрщицы с дубинками. Тео рухнул на палубу под градом ударов. Но мама Рен услышала, точно. Она повернула к нему свое жуткое лицо, и, падая, он встретился с ней взглядом.

– ОТОЙДИТЕ ОТ НЕГО, – проскрежетал голос Сталкера, громче рокота городских моторов и такой же нечеловеческий.

Надсмотрщицы попятились. В машинном отделении стало очень тихо. Тео слышал частое дыхание своих надзирателей. Он попробовал встать, но от слабости упал на колени на горячую, шершавую от песка палубу.

– Миссис Нэтсуорти, – повторил Тео, глядя в глаза женщине на мостике.

Он не думал, что она ему в самом деле поможет, и понимал, что, как только она отвернется, надсмотрщицы забудут его до смерти. Просто пусть она знает, что он здесь. Может быть, когда-нибудь она расскажет Рен, что с ним случилось.

Он сказал:

– Мы с вами встречались. Помните? На Облаке-девять.

– Я ТЕБЯ ЗНАЮ, – проговорил Сталкер Шрайк.

– А я – нет, – сказала Эстер Шоу.

Она растерялась, неожиданно услышав свое прежнее имя. Мальчишка внизу был тощий и черный, словно пучок обгорелых палочек. Зубы у него были оскалены – вероятно, он пытался изобразить улыбку, – а по лицу стекала кровь от удара дубинкой.

– Кто это? – спросила Эстер у Шрайка.

– ОДНАЖДЫРОЖДЕННЫЙ ПО ИМЕНИ ТЕО. ОН БЫЛ С ТВОЕЙ ДОЧЕРЬЮ НА ОБЛАКЕ-ДЕВЯТЬ.

– Да?

Эстер смутно вспомнила, что во время их последней встречи Рен тащила за собой какого-то мальчишку. Возможно, их даже познакомили. Эстер было неприятно, что он ее окликнул. Она старалась забыть прошлое. В Катлерс-Галп она всего лишь заглянула за пресной водой и другими припасами. Она не хотела ни во что ввязываться.

Но когда она отвернулась, чтобы идти дальше, Шрайк схватил ее за руку:

– НЕЛЬЗЯ ОСТАВЛЯТЬ ЕГО ЗДЕСЬ.

– Почему это?

– ОН УМРЕТ.

– Все умирают, – сказала Эстер.

– НЕЛЬЗЯ ОСТАВЛЯТЬ ЕГО ЗДЕСЬ.

– Иди к черту, Шрайк! Что эта ведьма из Зеленой Грозы с тобой сделала? Совсем размяк!

– НЕЛЬЗЯ ОСТАВЛЯТЬ ЕГО ЗДЕСЬ.

– С собой вы его не заберете! – раздался новый голос из машинного отделения.

Даз Башли, старшина кочегаров, выглянул из своего логова в темном углу – посмотреть, из-за чего шум. Сталкер Даз не боялся – он был любимым внуком Бабули Башли, и на его толстой шее болталось с десяток амулетов, которые она ему давала для защиты от пуль и от дурного глаза. У него была одна забота – следить, чтобы городские моторы работали исправно. Он схватил Тео за железный рабский ошейник и поволок к позабытой тачке.

– Он наш! Мы его нашли, все по-честному. Выковыряли его из разбитого моховицкого дирижабля. Бабуля говорит, мы можем все, что захотим, с ним сде...

Одним плавным движением Эстер сорвала с плеча ружье, сняла с предохранителя и выстрелила, убив Даза наповал.

Он шмякнулся на палубу, звеня амулетами. Остальных надзирателей Эстер перестреляла так быстро, что выстрелы и их эхо слились в одну барабанную дробь. Сбежав по лесенке, Эстер протянула руку Тео, но он так трясся, что не мог встать. Сталкеру пришлось нести его на руках, как ребенка. Эстер шла за ними, держа ружье наготове. В наступившей после выстрелов тишине слышно было только шарканье и тихое бормотание, когда встречные отодвигались с дороги.

Они подбежали к пескоходу. Шрайк, выдвинув когти-лезвия, оборвал причальные канаты, а Эстер почему-то вспомнила Стейнс – как они с Томом ударили от работоторговцев и Анна Фанг их спасла.

Эстер сделала предупредительный выстрел в сторону гаражных дверей и забралась на палубу пескохода, мысленно ругая себя за сентиментальные настроения. Здесь не Стейнс, и Тео – не Том, и вообще – нечего об этом думать.

Напстер Варли, готовя дирижабль к полету, услышал крики и выстрелы и тихонько выругался. Он надеялся, что ему не помешают как можно скорее отчалить. Несколько минут назад Бабулины ребятки забросили ему в трюм леди Нагу. Напстера била дрожь от мыслей о том, какую цену можно будет за нее запросить на передовой. Если слишком долго копаться, Бабуля, того и гляди, еще передумает. Поэтому Напстер не побежал смотреть, как пескоход рванул через пустыню, а велел жене положить пока ребенка и запускать двигатели и подбил ей глаз за то, что недостаточно шустро побежала исполнять приказание.

– Шевелись, кобыла ленивая! – орал он, заглушая вопли младенца. – Пусть эти пескоструйщики сами разбираются со своими дрызгами, а нам надо дело делать!

Глава 11

Вольф Кобольд

Том сомневался, принимать или нет приглашение Вольфа Кобольда; его с детства воспитывали в том духе, что нужно знать свое место, и он точно знал, что это место – не на Оберранге, высившемся над Мурнау, словно затейливая корона. Рен потратила несколько часов на уговоры.

– Ну тебе правда нужно поговорить с этим Вольфом! – убеждала она. – Он так заинтересовался, когда ты рассказывал о Клитии Поттс! Наверняка он что-то знает.

Том покачал головой:

– Да я и сам себе не очень-то верю. Просто мысль мелькнула, а доказательств нет. Пеннироял не поверил, а он – человек, который утверждает, что мусорные свалки Древних на самом деле служили для проведения ритуалов и будто бы у Древних имелись машины под названием «ай-яй-поды», которые могли записать тысячи песен на крохотных граммофонных пластинках. Если уж он считает, что моя теория о Лондоне маловероятна, то, наверное, это и правда одни только праздные выдумки.

Тогда Рен попробовала зайти с другой стороны:

– А ты не думаешь, что это будет для меня полезно и познавательно? Завести знакомства в высшем обществе... Орла говорит – один ее друг может тебе одолжить парадную мантию...

Пришлось попотеть, но в конце концов она его дождала.

На следующий день они поднялись на Мурнау и сели в лифт, идущий на верхний ярус. Тому явно было не по себе в чужой одежде. Рен оделась, как всегда, в летный комбинезон, зная, что он ей к лицу, а все, что она могла бы купить на базарах Воздушной Гавани, будет выглядеть убого рядом с нарядами богатых дам. Глядя на других пассажиров лифта, она задумалась, правильно ли поступила. Щеголеватые офицеры в синих парадных мундирах и дамы в изысканных платьях и шляпах как-то странно на нее косились.

Один-два человека шепотом спрашивали, она слышала:

– Кто эта необычная девушка?

Рен вздохнула с облегчением, когда лифт остановился. Она взяла Тома под руку, и они вместе вышли из здания лифтовоззала на яркий солнечный свет. Оберранг, как и весь Мурнау, был накрыт бронированным куполом, но кое-где целые секции держали открытыми, чтобы впустить свет и воздух. Приглашенные направлялись к массивному зданию со шпилями – ратуше, расположенной на бульваре Убер-ден-Линден¹⁴. Сквозь стеклянную мостовую бульвара виднелись деревья в парке ярусом ниже. Наверное, до войны это было очень красиво, но сейчас деревья засохли. Голые корявые ветки тянулись к Рен, вызывая жутковатое чувство.

Готическое здание ратуши окружала широкая полоса парка. Там, на поросших клочковатым мхом газонах, и происходил прием. Пестрели разноцветные навесы и палатки, между сухими деревьями и колоннами, сплошь в выщербинах от снарядов, развесили гирлянды ярких флажков и китайских фонариков – их зажгут, когда стемнеет. На газонах толпилось огромное множество народа. Кригсмаршал Мурнау пригласил мэров и советников всех городов, что собрались здесь. На украшенной флагами платформе играл оркестр, гости танцевали сложные торжественные танцы, скорее напоминавшие прикладную математику, чем развеселую джигу, которую Рен учила в Винляндии. Надо было послушать отца, зря они сюда явились. Рен всего однажды была на таком роскошном приеме – на Облаке-9, в качестве рабыни, разносящей на подносе напитки и закуски...

¹⁴ Букв.: «Над липами» (нем.); ср. Унтер-ден-Линден – «Под липами» (бульвар в Берлине).

Она уже собралась удрать к лифту, и тут от небольшой группы офицеров у самой сцены с оркестром отделился Вольф и пошел к ней навстречу. Он слегка принарядился и почистился, но даже в парадной форме с алым кушаком выглядел чуточку потрепанным и небрежным. Сабля у него на боку была тяжелее и дешевле, чем вычурное церемониальное оружие других мужчин. Это был клинок, который постоянно используют для дела.

Улыбка Вольфа открывала острые зубы.

– Друзья мои! – крикнул он еще издали, поклонился Тому, а у Рен поцеловал руку. – Как я рад, что вы пришли!

Рен не привыкла, чтобы ей целовали руки. Вспыхнув, она присела в реверансе. Вольф погладил большим пальцем выпуклый шрам на тыльной стороне ее ладони – клеймо корпорации «Шкин», чьей собственностью она была в Брайтоне. Рен вырвала руку, застыдившись, но Вольф смотрел на нее со спокойным любопытством, как будто его совсем не смущало, что она была рабыней.

– Интересная у вас была жизнь, фройляйн Нэтсуорти, – сказал он, взял ее под руку и повел их с Томом через оживленную толпу.

– Не особенно, господин фон Кобольд. Хотя за последние полгода много всякого произошло...

– Прошу вас, называйте меня Вольфом. Или, в крайнем случае, господином Кобольдом. «Фон» – устаревшее обозначение титула. Мои родители им дорожат, а я не придаю значения этой чепухе.

Он ближе склонился к Рен:

– Вам незачем смущаться среди этих глупых женщин в дурацких платьях. Они по большей части всю войну прожили в более безопасных городах, а в Мурнау примчались только теперь, когда замолчали пушки. Посмотрите на них – они же как дети-переростки. Настоящей жизни не знают...

Рен нравилось его общество, и было приятно ловить завистливые взгляды светских дам, но немного тревожило, что он так легко угадывает ее мысли.

– Простите, что притащил вас сюда, – продолжал Вольф, обращаясь к Тому. – Я думал, что это хорошая возможность поговорить. Не знал, с каким размахом мои родичи принимают гостей с тех пор, как объявили это нелепое перемирие. Пойдемте в дом...

Он повел их мимо оркестра к бронированной громаде ратуши, но на полпути их перехватила внушительного вида дама в сером шелковом платье, таком жестком и негибком, словно и сама она была в броне.

– Вольф, золотце мое! – сладким голосом проговорила она. – Все меня спрашивают, кто такие твои друзья...

Вольф сдержанно поклонился:

– Матушка, позволь тебе представить: Том Нэтсуорти, авиатор, и его дочь, Рен. Том, Рен, это моя матушка, Аня фон Кобольд.

– Я в восхищении, – промолвила матушка, хотя взгляд, которым она смерила Тома и Рен, был скорее страдальческим, словно знакомство с простолюдинами причиняло ей физическую боль. – У Вольфа появились такие своеобразные демократические пристрастия с тех пор, как мой муж доверил ему управлять Хэрроубэрроу! Просто не знаешь, кого он еще домой притащит. Авиаторы, как интересно...

– Не обращайтесь на нее внимания, – сказал Вольф, как только его матушка отошла поздравиться с группой олдерменов и их жен. – Она ничего не знает о том, как живут на передовой. На время боевых действий она дезертирует с Мурнау, улетает в какой-нибудь отель на верхних ярусах Парижа. Ее интересуют только наряды и пирожные.

Он говорил достаточно громко, чтобы матушка могла слышать. Многие гости оборачивались, глядя на него с неодобрением.

Том, испытывая неловкость, задал невинный вопрос:

– Хэрроубэрроу? Так называется ваш пригород? Кажется, я о нем ничего не слышал...

Вольф перестал сверлить спину матери мрачным взглядом и улыбнулся:

– Он совсем маленький. По сути, даже не пригород, а специализированный поселок. Мурнау захватил его во время войны. Но сейчас он мой, и у меня на него большие надежды. Очень большие.

Входя за ним в ратушу, Рен старалась представить себе этот Хэрроубэрроу. По дороге на восток она видела несколько боевых пригородов. Они выглядели ужасно: приземистые, хищные и покрытые броней, как мокрицы. Но Вольф говорил о своем с нежностью. Наверное, это похоже на гордость авиаторов – те никогда плохого слова не скажут о своем дирижабле, даже если это просто старый протекающий небесный буксир.

Как только дверь ратуши закрылась за ними, шум разговоров и музыки сразу смолк. Вольф провел гостей в просторную тихую комнату. Стройные колонны поддерживали потолок, и Рен показалось, что она очутилась в железном лесу. Были в комнате и стулья. Все сели, Вольф звонком вызвал слугу и распорядился принести напитки. Затем с минуту помолчал, рассматривая Тома и Рен, словно сомневался, правильно ли сделал, что привел их сюда.

– Лондон, – сказал он наконец.

Его губы скривились в иронической усмешке, совсем как накануне, когда он слушал рассказ Пеннирояла.

– Насколько я понял, вы сами раньше жили в Лондоне, герр Нэтсуорти?

Том кивнул и стал рассказывать, как учился в Гильдии историков и как получилось, что его не было в городе, когда включилась МЕДУЗА.

– Интересно, – промолвил Вольф, когда Том закончил. – У меня, знаете ли, есть своя история, связанная с Лондоном. Потому я и пришел послушать, что скажет старина Пеннироял. Смотрите...

Он вынул из кармана и бросил Тому небольшой металлический диск.

– Если вы и вправду тот, как говорите, герр Нэтсуорти, вы должны знать, что это такое...

Том повертел диск в руках. Размером с большую монету, на одной стороне выбит герб. Том не видел таких почти двадцать лет, но сразу узнал и даже ахнул.

Когда он снова посмотрел на Кобольда, Рен увидела у него в глазах слезы.

– Это головка заклепки с ярусной опоры. С одного из нижних ярусов, полагаю. Из простого железа, а на верхних ярусах они были латунные...

Вольф усмехнулся:

– Мой сувенир из Лондона.

– Вы там были? – спросил Том.

– Совсем недолго. Около двух лет назад, еще до того, как у меня появился собственный пригород, я добился от отца позволения вместе с отрядом Абвертруппе поучаствовать в вылазке в глубокий тыл моховиков. Мы хотели уничтожить их крупнейший центр по производству Сталкеров. К сожалению, туда мы так и не добрались. Нас атаковали, и мой дирижабль совершил вынужденную посадку на равнине недалеко от Батмунх-Гомпы. Оставшись в одиночестве, я попробовал спрятаться среди обломков Лондона. Разумеется, мне было страшно, я же наслушался историй о привидениях в этом зловещем разрушенном городе. Но за мной гнались моховики, и я решил, что лучше уж рискнуть встретиться с призраками. Я бродил среди ржавого пейзажа, искал воду, еду и какое-никакое укрытие...

Он помолчал. Из-за стен старого здания доносилась музыка, еле слышная, словно тоже призрачная.

– Своеобразное место эти развалины, – снова заговорил Вольф. – Я видел только краешек, с юго-восточной стороны. Все обломки чудовищно искорежены и разбросаны на большой площади. Трудно поверить, что раньше это был огромный город, хотя кое-где попадались зна-

комые предметы: дверь, стол, детская коляска. Вот, например, такие заклепки повсюду валялись. Я прихватил ту, что у вас в руках, чтобы, если вернусь домой, можно было предъявить друзьям доказательство – я в самом деле побывал в развалинах Лондона... Двигаясь на север, я углублялся в развалины, и ближе к ночи что-то начало происходить. Я сам точно не знаю что. Тут и там среди обломков я замечал движение. Слишком целеустремленное, чтобы это были животные. Казалось, они следуют за мною по пятам. Потом начались звуки: потусторонние стоны и завывания. Я вынул револьвер и выстрелил пару раз в темноту. Стоны прекратились. В тишине послышался новый звук. Мне показалось, механический, хотя не могу сказать наверняка – слишком он был далекий и неясный. Я присел отдохнуть... и отключился. Смутно помню, как кто-то ко мне подошел, – но это, возможно, был просто сон. Воспоминания совсем неотчетливые... Очнулся я милях в десяти от того места. Лежал на голой земле к западу от развалин, в старой колее. Сверху я был прикрыт ветками, и патрули моховиков меня не заметили. Мои раны были перевязаны бинтами из походной аптечки, фляжка наполнена водой, а в рюкзаке лежали хлеб и фрукты.

– Кто все это сделал? – с жадным интересом спросил Том.

Вольф бросил на него острый взгляд:

– Вы мне не верите?

– Я этого не говорил...

Вольф пожал плечами:

– А я еще никому об этом не рассказывал. Знаю одно: в развалинах Лондона кто-то есть. Не моховики, те меня бы убили, когда была возможность. Но у этих людей есть свои секреты, и они хорошо их охраняют.

Рен посмотрела на отца. Рассказ Вольфа напугал ее сильнее, чем история Пеннирояла.

– Кто это может быть? – спросила она.

Том не ответил.

– Я бы хотел узнать, – сказал Вольф. – Поспрашивал кое-кого. У меня на Хэрроубэрроу есть бывшие кладоискатели, которые повидали разных странностей. Они не слышали, чтобы кто-то из кладоискателей жил в Лондоне, но пару раз я слышал о Гайстлюфтшиффе – призрачном дирижабле. Когда ветер дует с запада, он бесшумно пересекает нейтральную полосу, а потом исчезает в тылу моховиков. Без опознавательных знаков, одинокий, не входит в состав ни одного подразделения, ни их, ни нашего.

– Снова призраки, – сказала Рен.

– Или «Археоптерикс». – Голос Тома чуть-чуть дрожал.

Том старался не показывать своих чувств, но он заметно разволновался от рассказа Вольфа и от мыслей о том, что все это могло значить.

– «Археоптерикс», когда возвращается в Лондон.

Вольф подался вперед.

– Герр Нэтсуорти, я верю в вашу теорию. Верю, что среди обломков Лондона скрываются люди, которые пережили МЕДУЗУ.

– Но зачем? – удивилась Рен. – Там же ничего не осталось, так?

– Значит, что-то осталось, – ответил Вольф. – Такое, ради чего стоит жить в развалинах и всячески его охранять. Когда я узнал, что вы спрашивали о Крюис Морчард, я провел собственные изыскания. Наша разведка хранит данные почти обо всех дирижаблях, которые появляются в здешнем воздушном пространстве. Их материалы о воздушном торговом судне «Археоптерикс» – прелюбопытное чтение за завтраком. Как выяснилось, ваша мисс Морчард за последние годы скупила немалое количество олд-тека.

– Она торгует олд-теком, – рассудительно заметил Том.

– Так ли? Я не заметил, чтобы она продавала много запчастей от древних механизмов. А покупает постоянно. Куда же она их деваает? Может быть, отвозит в Лондон. А чем славился Лондон?

– Инженерами, – нехотя ответил Том.

Он вспомнил человека, которого видел рядом с Клитией на причале в Перипатетиопо- лисе, – человека с блестящей, наголо обритой головой.

Вольф кивнул, пристально глядя ему в лицо:

– Что, если кто-нибудь из инженеров остался жив? И теперь они живут среди обломков? И что-то такое там строят? Настолько удивительное, что ради этого не жаль двадцать лет про- сидеть в развалинах и прятаться от всех. Нечто такое, что может изменить мир!

Том покачал головой:

– Нет-нет. Клития ни за что не стала бы сотрудничать с Гильдией инженеров.

– Та Клития, которую вы знали, может, и не стала бы. Но за двадцать лет ее взгляды могли измениться.

Вольф встал, подошел к окну и распахнул его, впуская праздничный шум.

– Идите сюда!

Он поманил их на балкон. Внизу на газоне пестрели разноцветные платья и мундиры гостей, словно лепестки или бабочки. Вольф посмотрел вниз, и на лице его промелькнуло выра- жение, которое почти можно было принять за ненависть.

– Перемирие не продлится долго, – проговорил он. – Однако, пока оно длится, мы должны этим воспользоваться по максимуму.

«Что значит – мы?» – про себя удивилась Рен. Она не уловила, как это вышло, что мечту ее папы вдруг поглотила мечта Вольфа Кобольда. К тому же она до сих пор не была уверена, что ей нравится этот привлекательный молодой человек.

– Я часто думал о том, чтобы вернуться в Лондон, – продолжал Вольф. – Но был слишком занят на войне. А теперь появилась возможность. Я порасспрашивал о вас, Том Нэтсуорти. Говорят, вы хороший авиатор. А ваш дирижабль, когда-то принадлежавший Лиге, – как раз то, что надо, чтобы пробраться на вражескую территорию...

– Вы хотите сказать, что мне нужно лететь в Лондон? – спросил Том. – Но это же невоз- можно! Правда? Нас перехватят патрули Зеленой Грозы...

– Здесь – невозможно, – согласился Вольф, глядя поверх толпы гостей на газонах, поверх зданий на краю Оберранга, туда, где за исковерканной поверхностью нейтральной полосы начиналась Грозовая территория. – Вся Девятая армия Наги там окопалась, только и ждет наших действий. А если они вас не собьют, так подстрелят наши, решив, что вы собрались вести переговоры с врагом. Но к северо-востоку есть места, где линия фронта не так хорошо охраняется.

Он обернулся к Тому с мальчишеской улыбкой:

– Я могу вас туда доставить на Хэрроубэрроу. Мы часто охотимся на нейтральной полосе. Довезем вас до самой границы, за которой начинается территория Грозы. Такой умелый пилот, как вы, легко сможет проскочить через границу, а дальше следуйте на восток по старым колеям. Возможно, Клития Поттс так и делала все эти годы.

– Мистер Кобольд, а вы полетите с нами? – спросила Рен.

Том оглянулся на нее:

– Рен, ты не летишь! Слишком опасно. Я еще не решил, надо ли мне самому...

Вольф рассмеялся:

– Конечно надо! По глазам вижу. Вам больше всего на свете хочется узнать, что проис- ходит в Лондоне. И я с вами полечу, потому что из-за перемирия мне скучно и я давно мечтаю посмотреть, что скрывается среди обломков. Не волнуйтесь, я все устрою и хорошо вам заплачу за беспокойство. Скажем, пять тысяч золотом, с переводом на счет в банке Воздушной Гавани.

– Пять *тысяч*? – вскинулся Том.

– Я из очень состоятельной семьи, – сказал Вольф. – Лучше уж потратить богатства фон Кобольдов на эту экспедицию, чем на бессмысленные приемы вроде сегодняшнего. Конечно, за такие деньги я буду настаивать, чтобы Рен летела с нами вторым пилотом. Она – отважная девушка, и нам понадобится ее помощь.

Он улыбнулся Рен, и она немедленно почувствовала, что краснеет.

– Я все-таки не уверен... – сказал Том, хотя на самом деле больше не сомневался.

Как можно отказаться? У него никогда столько денег не было, да и не нужны они ему, но надо думать о будущем Рен. Сумма, какую предлагает этот мальчишка, сделает Рен богатой, а когда его не станет и дочь, допустим, решит заняться воздушной торговлей, ей совсем не помешает, если на птичьих дорогах ее будут знать как авиатрису, которая побывала в Лондоне.

Сказать по правде, Том очень хотел вернуться в родной город. Увидеть своими глазами, что осталось от Лондона и осталось ли хоть что-то... Или кто-то. И Рен хотелось взять с собой, пусть увидит, где начались приключения ее отца. Поэтому он с такой легкостью находил причины, почему ему необходимо согласиться и взять Рен с собой, преуменьшая будущие опасности. В конце концов, сказал он себе, они с Эстер на «Дженни Ганивер» побывали еще и не в таких передрягах.

– Значит, решено! – сказал Вольф. – Перегоните свой дирижабль в воздушный порт Мурнау. Через пару дней встретимся, обсудим подробности. Но прошу вас, не говорите никому, куда мы направляемся. Ни единой душой! У Грозы шпионы повсюду, и у других городов тоже.

Пожав друг другу руки, они снова вышли в сад, где слышался смех, звучала музыка и на газонах уже протянулись тени. Пеннироял, окруженный толпой блестящих девиц, бодро помахал Рен и Тому издали. Вольф извинился и отошел поговорить с отцом. Стоя рядом со старым кригсмаршалом, он казался неловким и чуточку смущенным. Таким он больше нравился Рен – у нее и у самой были проблемы с родителями. Она решила, что он кажется слишком жестким из-за своего военного опыта, а на самом деле наверняка он добрый и застенчивый, совсем как Тео.

Стараясь представить себе путешествие вместе с ним на восток, Рен сжала папину руку.

– Если ты полетишь, я тоже полечу, как Вольф Кобольд сказал. Ты меня не заставишь остаться здесь, даже не думай! Так что и спорить нечего. Я могу о себе позаботиться.

Том засмеялся: это было настолько в духе Эстер! Глядя на Рен, он видел в ней силу и упрямство матери.

– Ну хорошо, – сказал он. – Там посмотрим.

У Вольфа Кобольда разговор с отцом протекал далеко не так гладко. Где-то и когда-то за прошедшие годы затерялась непринужденная дружба, какая была в детстве у Вольфа с отцом. Сейчас кригсмаршал и его сын мыслили совершенно по-разному. И все же старик, видимо, решил, что обязан воспользоваться редким визитом сына и поговорить с ним серьезно. Они прошли по сухому бурому газону с мертвыми деревьями и иссохшими кустами – до войны парк был гордостью Мурнау. Пересекли мостик через пруд, где раньше катались на лодках (сейчас, конечно, воду спустили и сухое дно шелушилось ржавчиной). Поднялись по ступенькам в небольшую беседку с колоннами, где статуя богини в античном платье смотрела вдаль, за край яруса.

– Когда ты был маленьким, это было одно из твоих любимых мест, – сказал кригсмаршал, поглаживая усы; он всегда так делал, когда волновался. – Ты был очарован этой барышней на пьедестале...

– Не помню, – сказал Вольф.

– Да-да...

Лицо статуи было все в потеках от сырости, как будто она плакала зелеными слезами. Кригсмаршал начал оттирать эти пятна носовым платком.

– Ты все спрашивал, кто она, и я тебе рассказывал, что она – символ Мурнау. Сильная, но добрая. Благородство, аристократизм. – Он трудился над замшелой статуей, и это позволяло не смотреть сыну в глаза. – Вернулся бы ты, Вольф. Мама по тебе скучает.

– Мама снова удерет в Париж, как только закончится перемирие. Да и какая тебе разница? Все давно знают, что ваш брак – одна видимость.

– Я по тебе скучаю.

– Уверен, что это неправда.

– Когда я предложил тебе руководство пригородом, имел в виду – на месяц-другой. Я не собирался переселить тебя туда насовсем! Черт побери, Вольфрам, твое место – здесь! Тебе нужно готовиться к тому, чтобы стать моим преемником. Я всего лишь старый солдат. А в мирное время Мурнау требуются люди помоложе. Способные мыслить масштабно.

– Мир долго не продлится, – сказал Вольф.

– Почему ты так уверен? По-моему, Нага не готовит никакого подвоха. Не забывай, я с ним воевал. Он полтора месяца продержался против Мурнау на Башкирском перевале. Его люди сражались как тигры, но он приказал пощадить всех пленных в захваченных городах. И бомбы-стаканы использовал только в самых крайних случаях. А когда он узнал, что меня ранил кто-то из его снайперов, прислал подарок: олд-тековский броневой жилет и записку: «Ждем, скучаем». Пусть он враг, но мне он симпатичней многих друзей.

– Очень трогательно!

Вольф зевнул; он слышал эту историю много раз.

– Но моховиков все равно нужно истребить.

– Чушь! – рассердился отец. – «Тракторштантсгезельшафт» создали не для того, чтобы кого-то истреблять, а чтобы защищать честные города от Грозы. Пусть Нага со своими противниками движения живут себе спокойно в своих ужасных горах, лишь бы пообещали нас не трогать.

Вольф гневно повернулся к отцу, но не стал ничего говорить. Он отошел к краю беседки и долго смотрел сквозь мертвые деревья на восток, представляя, как где-то там, за перепахан-ными войной равнинами, затаился Лондон.

Наконец кригсмаршал фон Кобольд снова заговорил:

– Манчестер движется на восток. Я получил коммюнике от их мэра, мистера Брауна...

– А-а! Тот, кто платит нам жалованье.

– Манчестер действительно помог нам с финансами... Мистер Браун планирует провести конференцию, как только город доберется до линии фронта. Мэры всех городов «Гезельшафта» соберутся вместе и обсудят наши дальнейшие действия. Я планирую высказаться за прочный мир с Грозой. Хорошо бы и ты там присутствовал, Вольфрам. Пусть все увидят, что ты – мой наследник...

– Я завтра или послезавтра возвращаюсь домой, на Хэрроубэрроу, – ответил Вольф. – Меня ждут дела.

– С твоими приятелями, небесными бродягами?

Вольф пожал плечами.

Кригсмаршал отвернулся, помедлил и, качнув головой, быстрым шагом двинулся прочь. Он выдержал несчетное количество боев с Зеленой Грозой, сходил в врукопашную со Сталкерами на ступенях собственного дома багровой зимой четырнадцатого года, но неизменно проигрывал в разговорах с собственным сыном.

Вольф смотрел ему вслед. Спустя какое-то время у него появилось неприятное чувство, что за ним самим наблюдают. Он обернулся. Статуя богини смотрела на него слепыми, спокойными глазами. Вопреки тому, что он сказал отцу, сейчас Вольф вспомнил, как маленьким

любил сидеть у статуи на коленях, глядя снизу вверх ей в лицо, пока отец рассказывал ему о славном прошлом Мурнау. Он выхватил саблю и тремя яростными ударами перерубил тонкую каменную шею, только искры посыпались. Потом он пинком отправил отрубленную голову вниз по лестнице, в пустой пруд, и стремительно зашагал прочь – готовиться к путешествию.

Глава 12

Пескоходы

Тео казалось, что идет дождь. Увидеть это он не мог, потому что лежал в постели в каком-то закрытом помещении. К тому же было темно. Зато он слышал тихий непрерывный шорох дождя, и один только этот звук уже освежал после долгих безводных дней на Катлерс-Галпе. Дождь шуршал и шелестел, что-то ласково приговаривал и связывал между собой его обрывочные сны.

Иногда Тео ненадолго приходил в себя и понимал, что шум дождя – на самом деле шорох песка под колесами черного пескохода.

– Не бойся, – сказал кто-то.

– Рен? – спросил Тео.

– Она была с тобой, когда тебя захватили в плен ребята Бабули Башли? Рен и Том были с тобой?

– Нет, нет, – ответил Тео, мотая головой. – Они далеко. На севере, на птичьих дорогах. Рен прислала мне открытку на Рождество... Я надеялся, что встречу ее...

Он вспомнил крушение «Нзиму» и дернулся приподняться на кровати.

– Леди Нага... Что с ней?

Его лица нерешительно коснулась чья-то рука. Чьи-то губы тронули лоб.

– Не бойся, Тео. Спи.

Он заснул, опять проснулся и увидел, что женщина, сидящая возле кровати, – мама Рен. У нее над головой покачивался аргоновый шар в скрипучей подвеске. В такт его движению по стенам каюты разбегались черные тени. Когда лицо Эстер скрывалось в тени, можно было представить, что это Рен сидит у постели, но вот она перехватила его взгляд и сказала резко:

– Очнулся? Давай, соберись! На моем пескоходе бездельникам не место.

Она как будто надеялась, что он не вспомнит, как ласково она говорила с ним раньше.

Тео хотел ответить, но во рту пересохло, как в Асфальтовом заливе. Эстер грубо приподняла его голову и ткнула в губы оловянную кружку.

– Много не пей, – предупредила она. – У меня лишней воды нет. Я в Катлерс-Галп зашла за водой и провиантом, а благодаря тебе пришлось уносить ноги, ничего не успела добыть. Этот вшивец, которого я застрелила, – любимый внучек Бабули Башли. Она, видишь ли, не рада.

Песок все шелестел о корпус мчащегося на полной скорости пескохода. Тео снова заснул. Эстер встала и поднялась по трапу в открытую рубку. Шрайк стоял у руля. Его глаза горели зеленым светом. Пескоход шел по обожженному солнцем сланцу к западу от песчаного моря. Над горизонтом на востоке виднелась полоса бледного света. Ветер гудел в снастях.

– Он все спрашивает про какую-то леди Нагу, – сказала Эстер. – Наверное, она была с ним, когда его нашли эти стервятники. Ты слыхал про нее?

Шрайк сказал:

– ЗА НАМИ ПЕСКОХОДЫ.

– Что? Черт!

Эстер ожидала, что старая ведьма пошлет кого-нибудь в погоню. Про Бабулю говорили, что она занимается черной магией, а значит, головорезы ее боятся намного больше, чем Эстер и ее ручного Сталкера. Пришурившись, она смотрела на горизонт и скоро тоже их увидела – тонкие, острые плавники парусов, словно рыбы зубы. Она ждала, что их будет один-два, боялась, что три, но Бабуля Башли отправила за нею шесть пескоходов разного размера – от крошечного катера до большого катамарана.

– Видимо, нам нужно гордиться таким вниманием, – хмыкнула Эстер.

За кормой над изломанной линией горного хребта выглянуло солнце, и дозорные на мачтах заметили черный парус прямо по курсу. На катамаране вспыхнул сигнал: «Цель под ветром». Через пару минут над одним из мелких песчаных суденышек поднялся клуб дыма, и Эстер со Шрайком увидели, как в сотне метров за кормой взрыв разметал песок.

– СКОРО ОНИ ПОДОЙДУТ НА РАССТОЯНИЕ ВЫСТРЕЛА, – бесстрастно прокомментировал Шрайк. – ЕСЛИ НА ЭТОЙ СКОРОСТИ НАМ ПРОСТРЕЛЯТ ШИНЫ, МЫ РАЗОБЬЕМСЯ.

– Черт!.. – повторила Эстер.

Она спустилась вниз и достала из рундука одну штуку, которую забрала у застреленного ею бандита в Джебель-Хакире. Это была автоматическая винтовка-джезайль, в длину больше человеческого роста, с красивыми серебряными накладками по цевью из древесины грецкого ореха. Будь тот бандит трезвым – вполне возможно, остался бы жив; ружье было отличное, дальноточность – в несколько миль. Эстер загнала в патронник большие медные патроны, еще горсть рассовала по карманам. Проверила, не проснулся ли Тео. Он спал как младенец, свернувшись калачиком, такой кроткий и беззащитный. Эстер заставила себя отвернуться. Надо остерегаться, не то еще привяжется к нему. Она слишком хорошо знала: привяжешься к кому-нибудь – не сможешь потом защититься от боли.

Когда она снова вылезла наверх, жесткий беспощадно-белый свет ударил в лицо. Ветер нес тучи песка, а пескоходы-преследователи были уже ближе. Самый маленький и самый быстрый – тот, что выстрелил первым, – настигал их с правого борта. Можно было разглядеть, как Бабулины ребятишки наводят на Эстер какое-то орудие вроде пушки. Над пушкой поднялось белое облачко дыма, Эстер обдало ветерком: снаряд просвистел мимо и взорвался, врезавшись в груды камней цвета печеня, в сотне ярдов¹⁵ по левому борту.

Эстер вытерла нос рукавом и прицелилась, пристроив дуло джезайля на поручень.

– Проще было бы тебе это сделать, – сказала она Шрайку, сдвигая противопесчаные очки на лоб и припадая к телескопическому прицелу. – Я их еле-еле вижу...

– Я НЕ МОГУ, – ответил Шрайк. – Я МНОГО РАЗ ОБЪЯСНЯЛ. ДОКТОР ЗЕРО ЧТО-ТО СДЕЛАЛА СО МНОЙ. КАКОЙ-ТО БЛОК ПОСТАВИЛА В МОЗГУ...

– Эх, если бы твоя доктор Зеро была сейчас здесь, – буркнула Эстер, стараясь поймать в прицел кучку людей, возившихся вокруг пушки с банниками и прибойниками. – Я бы ей блок в мозгах обеспечила!

Она надавила на спусковой крючок и выругалась, когда в плечо шарахнуло отдачей. Пустая гильза, кувыркаясь, улетела за корму. Эстер не могла бы сказать, куда улетела пуля, – во всяком случае, в цель не попала. Меткость не входила в число талантов Эстер. Стрелять она не умела – только убивать.

К счастью, преследователи стреляли не лучше. Один за другим снаряды пролетали мимо, а Эстер тем временем методично расходовала свой боезапас. Она уже принялась за второй карман, как вдруг вражеский пескоход резко вильнул в сторону.

– Это я их так? – спросила Эстер.

Преследователи потеряли управление. Может, случайный выстрел Эстер перебил трос или пробил шину. Пострадавший пескоход пошел юзом, поперек движения других судов. Идущий прямо за ним трехколесник торопливо повернул и столкнулся с небольшой боевой яхтой. Сцепившись друг с другом, оба судна перевернулись и покатались по песку, рассыпая во все стороны рангоут, колеса, паруса и обломки мачт. Передовой пескоход преследователей опрокинулся тоже. За ним взметнулся песчаный шлейф, скрыв из виду оставшиеся три песчаных корабля, но они тут же показались опять, поначалу смутными силуэтами, затем стали отчетливо видны, причем расстояние до них быстро сокращалось. Пули из парового пулемета на

¹⁵ Ярды – мера длины, равная 3 футам, или 914,4 мм.

большом катамаране защелкали по деревянному борту совсем рядом с Эстер. Она грязно выругалась и бросилась плашмя на палубу.

– ОНИ СТАРАЮТСЯ ЗАХВАТИТЬ НАШ КОРАБЛЬ, НЕ УНИЧТОЖИТЬ, – догадался Шрайк. – ПОТЕРЯЛИ ТРИ СВОИХ ПЕСКОХОДА И ТЕПЕРЬ НЕ МОГУТ ВЕРНУТЬСЯ К БАБУЛЕ БАШЛИ БЕЗ ДОБЫЧИ.

– Большое утешение, – хмыкнула Эстер, глядя снизу вверх, как пули отскакивают от его брони. – И что ты будешь делать, когда нас возьмут на abordaj?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.